

70
19903.
16
Б. С. ГЛАГОЛИНЪ.

ЗА КУЛИСАМИ ВОЙНЫ

СЦЕНА СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ ВЪ
4-ХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ И 5 КАРТИН.

(Изъ Репертуара театра А. С. Суворика въ Петроградѣ).

ИЗДАНИЕ ЖУРНАЛА
„Театръ и Искусство“.

Петроградъ, Вознесенскіи просп., д 4, Телефонъ № 16-69.

Для телеграммъ: Петроградъ—Театрискусство

3В
19903

Съ благородничиъ поощряется пантя
АЛЕКСЕЯ СЕРГЕЕВИЧА СУВОРОВА.

ЗА КУЛИСАМИ ВОЙНЫ

Сцена современной жизни въ 4-хъ дѣйствіяхъ и 5-ти картинахъ.

В. С. ГЛАГОЛИНА.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

ПОЛКОВНИКЪ.

ЕГО ЖЕНА.

ЛЮЛЯ.

ВОРОСЪ.

АЛЕНА.

МАРИ.

ВАРОНЪ.

КУДАШЕВЪ.

ДОКТОРЪ.

НЯНУШКА.

СОЛДАТЪ-РАВИНИИ.

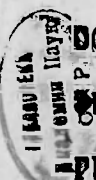
ЖИЛИЯ, горничная.

ПЕРМАНОВСКИЙ СОЛДАТЪ.

САНИТАРЪ.

-----XXXXXXXX-----

86 351

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Картина первая.

Гостиная въ барскомъ особнякѣ.^{х)} ПОЛКОВНИЦА сидитъ и вяжетъ. Около благодушествуетъ собака. Старая НЯНЯЦКА поправляетъ въ каминѣ огонь. Осенній полдень.

НЯНЯ. Холодъ то каков, Господи... Каково въ полѣ то теперь... Седьмой кончаете?

ПОЛКОВНИЦА. Седьмой. Не коротки ли вяжемъ?

НЯНЯ. Зачѣмъ, въ самыя разѣ. И округъ шен, и на живость, ежели челоуѣкъ ляжетъ, подослать и окружиться. (подходя вяжетъ перстяноу челоуѣку).

ПОЛКОВН. А на кухню у насъ больше вяжутъ?

НЯНЯ. Да ужъ Марья вяжетъ по своему, — на милаго дружка на версти, ни труда не жалѣеть. Того въ толкъ не возьметъ, что скорѣе надо да побольше бы поспѣть. Цѣльное одѣяло нарвится связать... И всепримѣнно, чтобы своему собственному. Вы бы ей, бабоня, сказали: все версты изведеть.

ПОЛКОВН. Хватить, — на то ты у насъ и интендантъ.

НЯНЯ. Да чеги тамъ интендантъ: цѣльное одѣялие вмѣсто шарфа выковыриваетъ... Интендантъ... Скажете тоже...

ПОЛКОВН. Да какъ же: ты у насъ все...

НЯНЯ (пріятво польщенная). Интендантъ... Вонъ правда или ябрь, а намедни сказывали, будто главный то генераль призывалъ ихняго брата да и говоритъ: "скажу я вамъ, други, только четное слова: (говорить отгибая на каждое слово по пальцу) "будете обѣщивать — буду подѣшивать"... (Изъ передней доносится звонокъ). А это-то все тамъ? (киваетъ на дверь кабинета).

ПОЛКОВН. Кто?

НЯНЯ. Да вѣмецъ то...

ПОЛКОВН. Варонъ? Тамъ... Звонять? Какъ бы Эмиля не напутала...

НЯНЯ. То-то я слышу, будто что... (подходя). Кому баять: Роричка изъ университета привелъ.

(Въ передней оживленіе, звонкіе голоса: успѣваетъ взглянуть съ докладомъ ЭМИЛЯ, за нимъ потокъ врывается энергичная МАРЯ въ шубкѣ съ благотворительной кружкомъ да лентѣ, ее сопровождаетъ задержавшійся на минуту съ раздѣваніемъ ассистентъ — почтенный артистъ КУДАШЕВЪ, совѣтомъ, ползаямъ какихъ то значковъ.

х) Хотѣлось, чтобы во всей пьесѣ одна и та же комната ставилась бы въ разныхъ соотношеніяхъ трехъ стѣнъ, т. е. чтобы иной разъ комната повертывалась на публику новой четвертой стѣной, и покрайней мѣрѣ, хотя одинъ разъ комната измѣнила соотношение стѣнъ: первая картина и пятая могутъ быть въ одинаковомъ соотношеніи и вторая, третья и четвертая въ другомъ одинаковомъ.

ЭМИЛЯ. Опять господа съ кружками...

МАРИ. Жертвуйте... Анна Ивановна, врвваемся безъ доклада и ни одного слова, ни извиненій, ни здравствуйте, ни какъ ваше здоровье, только одно жертвуйте... Позвольте представить: Василия Николаевичъ, "заслуженный", известный Кудашевъ, любезно согласившійся... Вамъ сюда приколоть или сюда? (тише). Многие жертвуютъ исключительно ради него... Или вотъ сюда...

ПОЛКОВН. Мерси, ма шерсіе, мерсіе...

КУДАШЕВЪ. Рить энтузиасткой - это общественное положеніе Маріи Владиміровны. Мнѣ очень пріятно быть вамъ представителемъ...

ПОЛКОВНИЦА. Садитесь пожалуйста. (бросаетъ въ кружку несколько рублей монетъ).

МАРИ (подхватывая Кудашева подъ руку, Кудашевъ готовъ былъ присѣсть). Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ... Только не сидѣть, - не забывайте, что мы должны собрать сегодня вдвое больше Неклюдовых... Въ этомъ будетъ наша гордость - будемъ теславны: кривъ пользы это ничего не понесетъ. Я вамъ вня въ томъ порукой... (присаживаясь къ полковницѣ). Подумайте, Анна Ивановна, я уже сдала три полныхъ коробки у Василия Николаевича буквально не хватаетъ буквъ. А эта кружка - въ видѣннѣ - это уже не кружка: не хватило кружекъ, мы взяли на кухню. Здѣсь устроили отверстие, здѣсь запечатали, подвѣсили замокъ... Фу, какъ жарко... Знаете, я лучше разстегнусь (а сама пои помощи Кудашева и совоёмъ снимаетъ шубу), а то простудилась... Мерси, Василий Николаевичъ, мерси... А гдѣ Ворисъ? Здравствуйте, нянюшка.

ПОЛКОВН. Конечно, конечно, раздѣнитесь... Няня...

ЛЮЛЯ (быстро входитъ: у ней въ рукѣ географическая карта). Услышала твой голосъ, Мари...

МАРИ (пѣлуясь съ Люлей). Здравствуй, Дуся. "Чуть свѣтъ уже на ногахъ"? Василий Николаевичъ.. Люля, узнаешь: наша гордость... Василий Николаевичъ Кудашевъ...

КУДАШЕВЪ. Марья Владиміровна, не продолжайте... (Люль). Имѣю честь...

ПОЛКОВН. Нянюшка, прикажи чаю. (Няня уходитъ, затѣмъ возвращается и присматриваетъ за сервировкой чая).

МАРИТЬ. А потому жертвуй, Василий Николаевичъ, приколите, пожалуйста, значекъ.

ЛЮЛЯ. Ни за что...

МАРИ. Люля?...

ЛЮЛЯ. Ни сантимъ до тѣхъ поръ, пока Василий Николаевичъ... не прочтетъ чего-нибудь...

ПОЛКОВН. Что за условія? - Скажи просто, что у тебя нечего дать.

МАРИ. Что такое?... Да ты знаешь, на что мы собираемъ?

ЛЮЛЯ. Знаю, и знаю даже, что я могла бы послать деньги на ту же цѣль по адресу общества. И если я по тѣмъ или инымъ причинамъ не сдѣлала этого, то значитъ у меня были причины не дѣлать этого. А теперь у себя дома я могу дать денегъ только при условіи, если вы ихъ заработаете. Затѣмъ вы можете эти деньги пожертвовать въ кружку отъ себя

МАРИ. Люля, ты оригинальничаешь.

ЛЮЛЯ. Очень рада, если это оригинально, но только по моему это просто справедливо.

МАРИ. Согласись, если всё будутъ требовать отъ насъ, собирающихъ, чтобы мы "зарабатывали" каждое пожертвование, то это Богъ знаетъ что будетъ.

ЛЮЛЯ. Это приучить многихъ изъ васъ къ труду, а у иныхъ совсѣмъ отобьетъ охоту благотворительствовать за чужой счетъ. Да наконецъ, - что самое главное, - увеличить общій притокъ пожертвований.

МАРИ. Что она говоритъ?...

ПОЛКОВН. Люля, перестань говорить пустяки, - развѣ не трудно ходить цѣлые дни и собираны...

МАРИ. У меня вѣтъ ногъ. Люля... (спускается въ кресло).

ЛЮЛЯ. А зато сколько разъ въ газетахъ упоминали о твоей доброй душѣ:

МАРИ. Люля, ты хочешь поспорить со мною?

ЛЮЛЯ. Ни капельки: вотъ тебѣ, вотъ тебѣ... (цѣлуетъ Мари въ обѣ щеки). И чай, и тортъ, и что тебѣ еще? Хотите послѣдній молній журналъ изъ Царина покажу? Прямо изъ Царина, на пароходѣ черезъ Архангельскъ проѣхала. Не смей мнѣ говорить, что я хочу тебя обидѣть: я говорю совершенно принципиально, (переданая чашку Кудашеву). Пожалуйста...

КУДАШЕВЪ. Спасибо. Позвольте, однако, - отъ мушкетера, собирающаго на какое-нибудь построеніе вы не потребуете никакой услуги и работы?

ЛЮЛЯ. Ни потребую, потому что и безъ того отъ туть же возмолитъ за меня и отработаетъ мои копѣйки нѣсколько разъ. Да и кромѣ того, я вижу тамъ, что человѣкъ отдалъ себя "всера" подвину збона... "Въ армякѣ, съ открытымъ воротомъ", а не въ молномъ платкѣ и съ кольцами на пальцахъ. И до тѣхъ поръ, господи, пока вы сами не отдадите послѣдней копѣйки - будьте любезны зарабатывать у меня мои деньги.

КУДАШЕВЪ. Хорошо, я не стану спорить, хотя и не согласенъ съ вами, - я готовъ... оказать помощь, продекларировать, но предупреждаю, что я...

ЛЮЛЯ. Что вы не въ голосѣ?

КУДАШЕВЪ. У меня нетъ ни малѣйшаго желанія...

ПОЛКОВН. Люля, не глуми.

МАРИ. Она сегодня въ ударѣ...

ЛЮЛЯ. И васъ не воодушевляетъ благая цѣль? Оставь, мама.

КУДАШЕВЪ (задѣтый за живое). Все это время у меня такое настроеніе: готовъ дѣлать все, только не играть. Я записался санитаромъ, но меня и дерекція не отпускаетъ, и въ санитарный поѣздъ предпочитаетъ брать студентовъ-медиковъ. Не думайте, что меня, какъ артиста, соблазняетъ здѣсь необычайность рекламы. Я отправился бы туда, гдѣ погибаетъ столько близкихъ и родныхъ, — безъ всякой шумихи, скромно. Ну, понимаете: не могу выступить на сценѣ и не изъ соображеній неумѣстности, а просто не могу, — нѣтъ воодушевленія... Не прибываетъ его и отъ благотворительныхъ концертовъ. Чувствую, что надо прямо, близко подойти къ дѣлу и помочь своими руками... Не долей своего благополучія, а всёю: тѣломъ и существомъ. Въ этомъ, кажется, мы сходимся съ вами, Елена Дмитриевна?

МАРИ. (встряхивая кружок). Bravo, bravo, bravo...

КУДАШЕВЪ. Я не скрываю отъ себя, что хотѣлъ бы во всемъ этомъ и новизнѣ, освѣжающихъ впечатлѣній — они такъ необходимы артисту, какъ неотступны... Но, ей Богу, мое душевное состояніе кажется мнѣ все же дальше простой любознательности. Простите пожалуйста, что я.... Итакъ, что же я долженъ прочесть?

ЛЮЛЯ. Вы уже сказали намъ цѣлый монологъ я такъ искренно. Мерси. Всё мое золотце, которое я такъ берегла отъ размаха на бумажки, переходить въ вашу собственность. Единственное средство спастись отъ сборниковъ — это надѣть на себя кружку. — Вѣроятно поэтому теперь на улицахъ больше собирающихъ, чѣмъ публики...

МАРИ. Что и требовалось доказать... Вамъ Корнѣй дома?

ПОЛКОВН. Повелъ въ университетъ.

МАРИ. Намель время... Я говорила съ ними вчера по телефону и онъ отказался быть моимъ адъютантомъ... Вторымъ, впрочемъ, Василиій Николаевичъ.... На зло ему отправился сейчасъ въ университетъ: пусть расковеливается.

ПОЛКОВН. Тамъ вы немного соберете.

МАРИ. Что дѣлать: ужъ сколько "зарабатываемъ". Кстати, а нѣтъ ты ничего не лавь?

ЛЮЛЯ. Заработай.

МАРИ. Не могу же я для тебя... пѣть, напримеръ, когда у тебя въ голоса, ни слуха?

ЛЮЛЯ. Роже тебя сохрани...

МАРИ. Что же ты способна потребовать? Я исполню все, чтобы доказать тебѣ, что я искренно отдалась этому сбору.

ЛЮЛЯ. Хорошо. Найди мне пожалуйста на этой карте Перемявль...

МАРИ. Конечно, ты издѣваешься и совершенно по объвательски, во я все же найду тебѣ Перемявль.

ЛЮЛЯ. Пожалуйста не восбравай, что это такъ легко: я не могла найти. Положи карту на рояль - удобнѣе.

КУДАШЕВЪ. Могу вамъ помочь въ качествѣ адъютанта?

МАРИ. Ни за что, она придерется. - я найду сама... Я по географіи всегда больше Дюла получала.

ЛЮЛЯ. Это не знаетъ тебѣ чести,

МАРИ. Почему?

ЛЮЛЯ. У насъ географію преподавалъ нѣмецъ.

МАРИ. Въ мѣсяцъ?

КУДАШЕВЪ. Я преподавалъ очевидно, по сокращенной программѣ: безъ крѣпостей?

МАРИ (са шепкомъ). Василій Николаевичъ... Наала... Еоть... Анна Ивановна, будьте свидѣтельницей.

ЛЮЛЯ. Гдѣ? Это "не-ре-мявль"?... Ахъ, вотъ онъ гдѣ... Позволь, - но вѣдь это калужская губернія?...

МАРИ. Ну такъ что-то: читай - "Не-ре-мявль"...

ЛЮЛЯ. Дѣйствительно - Перемявль... Кромѣ калужскаго тѣста есть еще и калужскій Перемявль...

МАРИ. Да вотъ тебѣ и червонный перемявль...

ЛЮЛЯ. Врар... А гдѣ Сандомиръ?

МАРИ. Ну, пожалуйста, дозволь съ тебя и Перемявля...

ЛЮЛЯ. Спасибо, Мари, а я себѣ все глаза проглядѣла и не нашла. Спасибо, (дѣлуетъ Мари и вся уходитъ въ карту).

МАРИ. И только?...

ЛЮЛЯ. Что? Ахъ, да, да, - плячу, плячу... (роесть въ сумчкѣ).

МАРИ. Сколько?

ЛЮЛЯ. Цѣлые полтинники...

МАРИ. Ты съ ума сошла?

ЛЮЛЯ. Да вѣдь не взяла же ты Перемявль на самомъ дѣлѣ, - вѣдь пальцемъ только показала.

МАРИ. Вотъ въ этомъ ты вся - больше я съ тобой говорить не буду. Нѣтъ, все таки полтинникъ давай...

КУДАШЕВЪ. Однако, уже четыре часа, Марія Владиміровна...

МАРИ. Не можетъ быть?... Это все ты, Дюля... Устраняешь игру словъ около того, что совсѣмъ не игра. Изъ за тебя мы потеряли больше сорока минутъ. Ты знаешь, сколько мы могли бы собрать за это время?

ПОЛКОВН. Но надо же, господа, и отдохнуть...

ЛЮЛЯ (укоризненно). Ай-ай-ай, нехорошо...

МАРИ. Господа, это действительно непростительно... (внимает из своей сумочки несколько рублей). За свои болтовни я плачу штраф. Викарно?... Как жаль, что нет Бориса, — расскажи ему, Даша, о моем благоденствии.

ПОЛКОВН. Это мило...

ЛЮЛЯ (обращая внимание на няню). Это что за явление? Нянюшка, драгоценная, и ты себя отравить решила?

НЯНЯ. Непременно... За то, что слушала твои выдумки... (Опускает в кружку несколько шляков и печет). Господи, за здоровье Алексія...

МАРИ (поцеловав на ходу нянюшку). Даша... Не прощайся, господа — обнимь и ни одного слова... (КУДАШЕВЪ раскланивается, МАРИ хватается его под руку и они скрываются). ЛЮЛЯ рассматривает карту. ПОЛКОВНИКЪ вихрь. НЯНЯ ушла за гостями, захвативъ съ собой со стены собаку).

АЛЕША (въ дверяхъ, ведущихъ во внутреннія комнаты, выростаетъ фигура взволнованнаго гимназиста). Даша, отдай мою карту...

ЛЮЛЯ (не отрываясь). Это — карта Европы, а не твоя, — не угодобляйся немцамъ...

АЛЕША. Даша... Мама, скажи, чтобы отдала.

ПОЛКОВН. Даша...

ЛЮЛЯ. Сейчас...

АЛЕША. Это удивительно... У тебя способность заинтересовываться только темъ, что интересуетъ твоего барона...

ЛЮЛЯ. Скажите, пожалуйста... А все таки я скорѣе тебя поведу на войну... Вотъ гдѣ перемирие...

АЛЕША (съ символическимъ жестомъ). А вотъ гдѣ ничего.

ПОЛКОВН. Алена, возьми карту и ступай заниматься.

ЛЮЛЯ. На, дитятко, карту, шейку повяжи шарфикомъ... (ЛЮЛЯ взяла на диванѣ, возлѣ Анны Ивановны). Вотъ такъ и вотъ такъ...

АЛЕША (отбываясь, но ласково). Даша, отстань... Почему гдѣ-то говоришь перемирие?

ЛЮЛЯ (показывая себѣ на лобъ). Вотъ здѣсь... А здѣсь — ничего (показываетъ на его лобъ).

АЛЕША. И тебѣ странно завидно? Ха-ха-ха... Успокойся, я безъ тебя найду... Вотъ перемирие... (отъ чрезмерной энергии АЛЕША проткнулъ перемирие пальцемъ насквозь).

БОРИСЪ (студентъ: онъ вбѣгаетъ, останавливаясь посреди комнаты, странно взволнованъ, ему и радость и странно сказать о своей радости матери). Мама, мамочка... Какое счастье... Только ты, ради Бога, не пугайся и ничего не преувеличивай... Ничего особеннаго... Этого все мы ждали и просили объ этомъ... Однимъ словомъ, понимаешь, Даша,

вои вави отсрочки къ чорту... Ты читала утромъ газетъ?

ЛЮЛЯ. Кто же читаетъ утреннія, когда есть вечернія?

БОРИСЪ. Постой... Мама, я вижу, что ты перепугалась... Я такъ и зналъ, что это будетъ, такая же странная, — это такъ естественно...

ПОЛКОВН. Объясни толкомъ и говоря прямо.

БОРИСЪ. Понимаешь, мамочка, объявлено, что отсрочки по образованию отменены... Этого слѣдовало ожидать, потому что ясно, что офицерскій составъ... Только не волнуйся, пожалуйста. Однимъ словомъ, понимаешь, студенты первыхъ курсовъ подлежатъ призыву. Понимаешь?

ПОЛКОВНИЦА. Не понимаю, почему ты ликуешь?...

БОРИСЪ (одушевленно). Если бы ты посмотрѣла, что дѣлается у насъ въ университетѣ, ты поняла бы мое состояніе. Мы не можемъ, не должны быть равнодушными свидѣтелями войны, — предоставимъ женщинамъ и старикамъ ухаживать за ранеными. Война — не литературна, чтобы упиваться ею по печатнымъ листкамъ; она не картина, чтобы любоваться ею издали; война — это единственная действительность въ данную минуту и кромѣ нее ничего нѣтъ. Надо побѣдить, чтобы войны не стало и чтобы опять можно было бы заниматься наукой, наслаждаться искусствомъ или просто спокійно и радостно работать. А для того, чтобы побѣдить въ наивозможно короткій срокъ, необходимо подняться всѣмъ... Понимаешь, Люля? Понимаешь, Алена?

ЛЮЛЯ (серьезно) "Понимаешь", "понимаешь", — на каждомъ словѣ у тебя. Борисъ, "понимаешь", а посмотри на маму... Вотъ она действительно понимаетъ, что ты говоришь...

ПОЛКОВН. И можете быть одна изъ всѣхъ насъ...

ЛЮЛЯ. А ты просто переполняешься собственной персоной.

БОРИСЪ. Какъ собственной персоной? Что ты этимъ хочешь сказать?

ПОЛКОВН. Постойте... Расскажи, что было въ университетѣ?

БОРИСЪ. Да въ сущности ничего, мама... Просто ректоръ разъяснилъ намъ правила о призывѣ, — онъ сказалъ прекрасную рѣчь, мама, а среди насъ былъ его сынъ... Затѣмъ мы устроили манифестацію... А потомъ я забѣжалъ къ Мари, чтобы рассказать ей... въ сущности потому просто, что было по дорогѣ домой. Мари не застала маму, она отбываетъ модную повинность — "собираетъ"... А сейчасъ пойду къ отцу и пусть онъ похлопочетъ, чтобы меня взяли въ бывшій его полкъ. (повелъ было и оставался). Ну, подѣлуй меня, мама... (Анна Ивановна нѣжно подѣловала, погладила лицо Бориса, проводила его глазами до дверей отцовскаго кабинета и вдругъ встала).

ПОЛКОВН. Подожди, Борисъ. Отцу такъ сразу сказать нельзя. Я сама переговорю съ нимъ. Не хочешь?

БОРИСЪ. Нѣтъ, мама, — мы лучше поймемъ другъ друга, — мужчинамъ.

ЛЮЛЯ. Мама, вѣроятно, отецъ знаетъ обо всемъ изъ газетъ: ве-
дому ли онъ такъ долго не выходитъ сегодня?

АЛЕША. Я ему самъ отнесу газеты, какъ только пробѣжалъ телег-
раммы.

БОРИСЪ. У него никого нѣтъ?

ПОЛКОВН. Никого, кромѣ барона.

БОРИСЪ. Тѣмъ лучше, — не безпокойся, мамочка, этотъ господинъ
съ нѣмецкой фамиліей будетъ противъ меня. Любопытно, что говорить
онъ теперь о германской культурѣ?... — Не сердись, Люля. (Уходитъ.
По дорогѣ Алена подалъ ему руку).

АЛЕША (очень сосредоточенно). Я его понимаю... Мама, можно
мнѣ взять этотъ шарфъ?

ПОЛКОВН. Зачѣмъ тебѣ, мой маленькій? (ласкаетъ его). Тебя то
уже не возьмутъ у меня...

ЛЮЛЯ. На образецъ: онъ вязать будетъ.

АЛЕША. Это слѣдовало бы сдѣлать тебѣ... хотя бы изъ приличія.
(освобождаясь отъ мамы). Пустя меня мама...

ЛЮЛЯ (тормозитъ калычнина и напѣваетъ) "Мальчуганъ Алена —
патріотъ немножко"... (когда Алена убѣжалъ, ЛЮЛЯ поглядѣла на мать,
которую хотѣла отвлечь своимъ ребячествомъ, и затѣмъ садится за
рояль и играетъ барбансону).

ПОЛКОВН. Потнше, Люля... мнѣ надо спросить по телефону. (ЛЮЛЯ
играетъ тише). Пожалуйста, барышня, номеръ 27-31. Пожалуйста, гене-
ралъ... здѣсь? Въ штабѣ еще? До какого часа? Спасибо, я сама найду
къ генералу. (Анна Ивановна положила трубку, Люля бросила играть).

ЛЮЛЯ. Что ты хочешь дѣлать, мама?

ПОЛКОВН (очень взволнованная). Ничего. Вѣдь это все зависитъ
отъ отца твоей Мари... Хочешь поѣхать со мной? Какъ жалъ, что
мы не знали объ этомъ, когда была Мари. Да я и устала вязать:
поѣдемъ (собираетъ свою работу).

ЛЮЛЯ. Хорошо ли ты хочешь поступить?

ПОЛКОВНИЦА (выпрямилась, пристально посмотрѣла на дочь). Неужели
не довольно того, что я пережила: твой отецъ вернулся калѣкой, а
теперь онъ рискуетъ жизнью каждую минуту со своими опятами на по-
дыгонѣ...

ЛЮЛЯ. Мама... (Мать потянулась къ дочери, упала къ ней на
плечи, въ рунѣ замелькала носовой платокъ, затѣмъ фигуры разъеди-
нились, Анна Ивановна взяла себя въ руки. Въ дверяхъ появилась
фигура Нянюшки).

ПОЛКОВН. Поѣдемъ, иначе мы опоздаемъ. (ушла. За нею притихшая

ДОЛЯ и НЯНЯ. Входятъ ПОЛКОВНИКЪ — онъ съ костью, БАРОНЪ и ГОРИСЬ. Ихъ разговоръ сначала слышенъ въ-за кулисъ. Баронъ съ цилиндромъ въ рукѣ, очевидно собирается уходить. — его хозяйинъ провожаетъ).

ПОЛКОВНИКЪ. Нѣтъ, позвольте, скажите одво: существуетъ ли нѣтъ христовское, достоуважаемое русское воинство? Да или нѣтъ?

БАРОНЪ. Неужели вы раньше то ае слышали голосовъ, осуждавшихъ всякую войну?

ПОЛКОВНИКЪ. Я слышалъ и читалъ на разныхъ языкахъ, а ужъ возмущался, навинтите мени, на одвомъ русскомъ. И крѣпко возмущался... Не могу я смотреть на себя, какъ на изверга естества.

БАРОНЪ. Уже на сценѣ мой принципиальный взглядъ на войну остается тотъ же, что я былъ: война — зло, бѣдствие, ужасъ...

ПОЛКОВНИКЪ. И только?

БАРОНЪ. Только. (вронается рукопожатіями, баронъ идетъ къ выходнымъ дверямъ).

ПОЛКОВНИКЪ (задерживая барона). Да вы въ святцы-то заглядывали когда-нибудь?

БАРОНЪ. Приходилось справляться насчетъ именинцевъ.

ПОЛКОВНИКЪ. А замѣтили вы, какіе тамъ святые помѣнены?

БАРОНЪ. Разные.

ПОЛКОВНИКЪ. Но какого званія?

БАРОНЪ. И званія разнаго, я думаю.

ПОЛКОВНИКЪ. Вотъ то-то в есть, что не очень разнаго. Умный ии человекъ, а спорникъ.

БАРОНЪ. Какъ? Неужели только одни военные?

ПОЛКОВНИКЪ. Не только, а вы половину.

БАРОНЪ. Ну, опять преувеличеніе...

ПОЛКОВНИКЪ. Утверждаю, что вои святцы собственно наеи русской церкви: или монахи разныхъ чиновъ, или князья, то есть по старинѣ значить непременно военные, и никакихъ другихъ святыхъ у насъ нѣтъ.

ГОРИСЬ. А продивныхъ ты забылъ?

ПОЛКОВНИКЪ. Нисколько не забылъ. Но продивные вѣдь это свсего рода ирегулярные монахи.

БАРОНЪ. Но неужели по вашему одни монахи и воины могутъ быть нравственными образцами?

ПОЛКОВНИКЪ. Кто это говоритъ?... Я хочу сказать, что христіанскіе народы, во мнелв которыхъ святцы-то составлялись, не только уважали, но еще "особенно" уважали военное званіе и изо всѣхъ мірокахъ профессій только одну военную считали воспитывающей, такъ сказать, своихъ лучшихъ представителей для святости. Вотъ этотъ-то взглядъ и несовѣстимъ съ подпольнымъ походомъ противъ войны.

БАРОНЪ. А ужъ началось... Я слѣжу за настоящей литературой: ужъ въ двухъ-трехъ курвалахъ имѣлъ удонольствіе прочесть: напоминаеть, что хрвстіанство безусловно осуждаетъ войву.

ПОЛКОВНИКЪ. Не можете быть? Да я бы вы за такое напоминавие...

БАРОНЪ. Не безпонойтесь и напоминали.

БОРОНЪ. Позвольте мнѣ сказать вамъ, баронъ, - я совершенно увѣренъ въ противномъ.

БАРОНЪ. То есть въ чемъ же въ противномъ... (иронизируя) въ "нехорошемъ"?

БОРИСЪ. Нѣтъ, въ томъ, что война не есть безусловное зло и что миръ не есть безусловное добро, или говоря проще, что возможна и бываеть хорошая война, возможенъ и бываеть дурной миръ.

ПОЛКОВНИКЪ. Ну, ну, отлично... Понимаю: война можетъ быть очень плохимъ дѣломъ, именно, когда нась быть, какъ напимѣрь, подъ Варвой или Аустерлицемъ, и миръ можетъ быть прекраснымъ дѣломъ, какъ напимѣрь, миръ Нивтадокій или Кучукъ-Кайнархискин...

БОРИСЪ. Постою, папа... Война - совсѣмъ не ненависть, Судь Ромій, честная поединокъ, къ которому народы прибѣгаютъ, когда не въ силахъ рѣшить споръ собственнымъ разумомъ: называйте войну расплатой за историческія ошибки, гнѣвомъ Роміимъ, высшей справедливостью, судьбой наковецъ, - но не говорите о враждѣ... Владиміръ Соловьевъ называетъ войну "реальной школой любви къ врагамъ"...

ПОЛКОВНИКЪ. И онъ правъ: противники въ бою, если они не зѣбри наущаются признавать взаимныя достоинства, уважаютъ другъ друга...

БАРОНЪ. Откуда далеко, однако, до любви...

БОРИСЪ. А вспомните нашего Петра:

"Въ натрѣ своемъ онъ угощаетъ
Вождей свскихъ, вождей чуужихъ"...

БАРОНЪ. Доканчивай стихъ?...

БОРИСЪ. "И за учителей своихъ

Заздравный кубокъ поднимаетъ"....

БАРОНЪ. За шведовъ, какъ "за учителей" своихъ, а не какъ за враговъ.

БОРИСЪ. Шведы до этого единобоинства были для насъ, русскихъ, только "нѣмцами", то есть не людьми, а тогдашняя война съ ними научила насъ видѣть въ нихъ людей и "здравствовать" ихъ и уважать, какъ гостей - "угощать".

ПОЛКОВНИКЪ. Къ теперѣшней войнѣ это не подходитъ, Норвсъ, теперь нѣмцы не считаютъ васъ за людей. И заплатятъ за это...

БОРИСЪ. Заплатятъ они за свое "профессиональное" отношеніе къ войнѣ, которую поставили за идеаль и цѣль существованья. Когда мнѣ

говорять, что Германия 40 лет готовилась к этой войне, то я вѣрю в одно: Россія своей многострадальной исторіе въ теченіе цѣлыхъ столѣтій выстрадала свою конечную побѣду.

ПОЛКОВНИКЪ. Да, да и да... Я — военный душой и тѣломъ солдатъ — я говорю вамъ, господа, что побѣждаетъ въ новѣй войны не штыкъ, а правое дѣло... (въ это время въ дверяхъ показывается МАРІА съ "расторгованною" КУДАШЕВЪ и благотворительной коужкой, полной серебряныхъ и мѣдныхъ монетъ, — дно этой кружки МАРІА поддерживаетъ руками, такъ какъ въ моментъ, когда Маря продвинулась въ группѣ дѣйствующихъ лицъ на авансцену, дно должно отскочить и все содержимое кружки разсыпается по полу. Минута обаяго смущенія, затѣмъ минута обихъ одновременныхъ полуразъ, соответствующихъ происшествію и наконецъ МАРІА, перевернувъ кружку иваливаясь дномъ къверху, энергично собираетъ въ нее деньги пригорнями. Изъ отверстія для опусканія денегъ, она завагаюса снизу, монеты, разумѣется, падаютъ обратно на полъ: смѣнное положеніе раздѣляется обими безобидными уларчами, а у МАРІА, — полной безпомощностью).

НЯНЯ. Ну, разсыпались, матушка...

МАРІА. Господе... что же это такое? Да помогите же, господа...

ПОЛКОВНИКЪ. Зачѣмъ же, думечка, собрать въ ту-же кружку-то?

КУДАШЕВЪ. Смотрите же: монеты выпадаютъ...

МАРІА. Что же тутъ смѣнного? Вамъ-то ужъ, Варисъ, особенно нечего смѣяться, — отказавшись собрать эти деньги со мной, вы же видите права, никакого нравственнаго права издѣваться... и... Если бы вы знали, сколько труда, сколько... (со слезами). Здѣсь каждый пятакъ "заработанъ" мною... Именно заработанъ... Я заслушвала и остроты, и Богъ знаетъ что: меня прогоняли. У Василія Николаевича была цѣлая исторія въ трамваѣ. И все это для того, чтобы придти сюда и... и... (заплакала, во коротко и сдержанно).

ПОЛКОВНИКЪ. Думечка... Маря... Да Богъ съ вами: вы у кого и въ мѣсяцъ не было обихать васъ.

БОРИСЪ. Просто, само по себѣ смѣнное положеніе... Господа, оставимъ пресла...

МАРІА. Позвольте, во нельзя же такъ оставлять на волю: вѣдь это же общественная вещь...

КУДАШЕВЪ. Я сейчасъ съѣзжу за настоящей кружкой?

МАРІА (сбывая съ себя кружечную ленту). Да, да, да... Какой позоръ... Какой позоръ...

ВАРОВЪ. Это возможно только у васъ изъ Россіи....

ПОЛКОВНИКЪ. Ну, вотъ и заключеніе... Обрадовались... По единичному-то случаю?

БАРОНЪ. По единичному-то и можно заключать: случайность, исключение и есть типичный, отборный фактъ.

МАР. Совершенно вѣрно, баронъ. Здравствуйте, между прочимъ... Это возмутительно... У насъ все проваливается, всегда проваливается...

БАРОНЪ. И ни у кого изъ русскихъ нѣтъ дна.

КОРИСЬ. Рездованье?

БАРОНЪ. Скорѣе безпардонныя...

ПОЛКОВНИКЪ (смѣясь). Однимъ словомъ: ни дна намъ, ни покрывки.

МАРИ. Нѣтъ, полковникъ, я понимаю, что хотѣлъ сказать баронъ. Мы сликомъ онисходительны, не требовательны другъ къ другу. Развѣ можно напроимѣръ, вообще дѣлать такія кружки?

КУДАШЕВЪ. Позвольте, Марья Владиміровна, здѣсь отчасти виноваты вы сами: нельзя было минутно востраживать кружку съ такимъ азартомъ... Вы радовались, какъ ребенокъ, каждой копѣйкѣ... Вы сами поотепенно выколачивали дно изъ этой кестянки.

МАРИ (дѣлая большіе глаза). Я востраживала кружкой?...

АЛЕША (уже изслѣдовавшій кружку). Папа, это сдѣлано наспѣхъ - сразу видно... Смотри здѣсь, напроимѣръ, даже надпись: "Сахаръ"....

ПОЛКОВНИКЪ. Такъ кружка-то "сахарная" - не даромъ значить "хрусткая"?...

БАРОНЪ. Это коробка... это... типичная кестяница...

МАРИ. (неожиданно сокруженно). Дѣйствительно... Это изъ подъ сахара - я не отрицаю... И вѣрно, что востраживала... Но вѣдь я востраживала кружкой, господа, чтобы обратить вниманіе... Вы, Василій Николаевичъ, - я васъ понимаю, - берегли свой голосъ, но увѣряю васъ, что васъ никто не слышалъ въ уличномъ шумѣ... Я была принуждена громить кружкой.

КОРИСЬ (окончивъ подбирать монеты). Такъ или иначе, а больше денегъ, кажется, нигдѣ нѣтъ. Алеша, посмотри, пожалуйста, подъ диваномъ...

АЛЕША. Охъ удовольствіемъ... даже это для раненныхъ.

МАРИ. Рази Бога, скорѣе за настоящей кружкой... Простите, я не представила васъ, Василій Николаевичъ... Полковникъ, надо-ли представлять намъ гордость? Кулашевъ, "заслуженный", избѣженный вои́нъ Василій Николаевичъ, любезно согласившійся... (МАРИ представляя выглаживая, однако, не откатились-ли еще куда монеты).

КУДАШЕВЪ. И такъ дайте...

ПОЛКОВНИКЪ. Здравствуйте... Василій Николаевичъ. Имѣлъ удовольствіе неохотливо... Нашъ другъ - баронъ... Мой сынъ... еще сынъ... (послѣдующій разговоръ ведется почти одновременно).

АЛЕША. Позвольте мнѣ, починить кружку: это дѣло двухъ минутъ...

НЯНЯ. Да ве твоего ума. Каков кровельникъ...

МАРИ. Нельзя. Алева, — вѣдь это общественная кружка...

БОРИСЪ. Котати, вамъ надо засвидѣтельствовать фактъ порчи...

МАРИ. Да, да, да... Прогласьте сюда нотариуса, Василий Николаевичъ, или займите въ полицейскій участокъ? ... Позвать надо швейцара, дворника и вообще...

БОРИСЪ. Никого не нужно: достаточно будетъ нашихъ подписей, — мы же совершенно постороннія, незаинтересованныя лица.

НЯНЯ. Да что это вы, Манечка, зачѣмъ же дворниковъ-то...

МАРИ. Ну, конечно. Я это случайно. Тогда позвуйте, Василий Николаевичъ, къ предсѣдательницѣ подъ отдѣла... Это все-же очень важно...

ПОЛКОВНИКЪ. Попросто пойдите вы за новой кружкой, — ближе къ окну. (АЛЕША въ уголокѣ на авансценѣ занялся починкой кружки).

КУДАШЕВЪ. Да, — такъ я пойду, господа. (уходитъ: НЯНЯ за нимъ).

МАРИ (опускаясь въ изнеможеніи). Воже мой, какъ трудно у васъ что нибудь дѣлать, баронъ... (Баронъ прощается со всѣми).

ПОЛКОВНИКЪ. Да, Мари, — придется вамъ здѣсь остаться на часокъ около пятаконъ. Оставляю въ помощь Бориса. До свиданья, баронъ, очень радъ, что васъ заинтересовало мое изобрѣтеніе. А Борису скоро придется подежурить по настоящему...

МАРИ. Да? А что?

ПОЛКОВНИКЪ. Развѣ вы не читали сегодняшнихъ газетъ?

МАРИ. Нѣтъ, я теперь только собираю... А что?

ПОЛКОВНИКЪ. Вотъ такъ разъ... Пусть ужъ самъ вамъ расскажетъ. (уходитъ къ себѣ).

МАРИ. Что такое?

АЛЕША (съ кружкой). Починилъ. Готово... Теперь при желаніи можно даже наочно выдвигать дно и задвигать.

БОРИСЪ. Это для чего же?

АЛЕША. Ни для чего... Я могу устроить и герметически, чтобы навсегда. Я сейчасъ вамъ принесу: здѣсь нѣтъ инструментовъ... (и Алева увагаль изъ гостиной).

МАРИ (вслѣдъ Алевѣ, во говоритъ такъ утихая съ каждымъ словомъ, что словъ ея АЛЕША не принимаетъ). Но это общественная (совзѣмъ твою) кружка... (и затѣмъ снова ярко). Что такое?...

БОРИСЪ. На войну.

МАРИ. Кто?

БОРИСЪ. Я.

МАРИ. Вы? Нѣтъ.

БОРИСЪ. Какъ нѣтъ?

ГОРИСЬ. Что?

МАРИ. Что завалилось дно...

ГОРИСЬ (пиветъ). "внволнлось дно... и деньги разсыпалось"...

МАРИ. Когда-нибудь и у насъ разсыплется... все.

ГОРИСЬ. Да, эоли мы всё будемъ только критиковать...

МАРИ. Въ моемъ положеніи ничего дурного не остается. Не поступать же мнѣ въ отрядъ амазонокъ.

ГОРИСЬ. Отчего же? Вы прекрасно ѣздите. Явно бы эффектно.

МАРИ. Да, но я боюсь, когда отбѣляють.... боюсь даже въ театрѣ. Да и кромѣ того...

ГОРИСЬ. (пиветъ) "какъ люди совершенно посторонніе господамъ сборникамъ"....

МАРИ. Зачеркните это, иначе я съ вами поссорюсь...

ГОРИСЬ. Почему?

МАРИ. Вы считаете, что вы посторонній мнѣ человекъ?

ГОРИСЬ. Юридически - да.

МАРИ. Такъ какъ вы врнсть, то у васъ все "юридически". Это не отвѣтъ. А если отвѣтъ, то счесть для меня прискорбный.

ГОРИСЬ. Мы съ вами играемъ въ мячъ. Просимъ.

МАРИ. Только теперь я поняла, почему вы отказались идти со мною собирать, - "христорадничать", какъ вы сказали.

ГОРИСЬ. Каждому свое: вѣдь вы не пойдете со мною на войну. Вы боитесь вострѣловъ, я - бездонныхъ кружекъ.

МАРИ. Что это за намекъ?

ГОРИСЬ. Въ чемъ... намекъ? Вы, дѣйствительно, ищите повода къ ссорѣ.

МАРИ (нервничая). Хорошо. Пивите, пожалуйста, дальше.

ГОРИСЬ. Все.

МАРИ. Мерси. Гдѣ подписать? (протягиваетъ руку за карандашомъ).

ГОРИСЬ. Это только черновикъ.

МАРИ. Хорошо, - пивите бѣловикъ....

ГОРИСЬ. Можно мнѣ сначала васъ поцѣловать?

МАРИ (вдругъ всело-весело). Здравствуйте... Гдѣ же вы были до сихъ поръ? На передовыхъ позиціяхъ: (отходить отъ него).

ГОРИСЬ (идетъ за ней). Можно мнѣ васъ поцѣловать?

МАРИ (Отбѣгая отъ него). Юридически - нѣтъ. Вѣдь вы же идете на войну?...

ГОРИСЬ. Дѣйствительно, это теперь глупо съ моей стороны, - цѣловаться, но я первый вамъ хотѣлъ сказать сегодня... Мнѣ не хочется ни ссориться, ни врать словами, мнѣ хочется поцѣловать васъ, только для того, чтобы вы посидѣли со мною мирно и не кокетничали...

МАРИ. Да ви об уна сонли... Ви замѣтили, что ваши подѣлуи меня усмиряють?.. Да какъ вы смѣете...

БОРИСЪ. Увѣрю васъ, - развѣ вы не замѣтили?

МАРИ. Хорошо, цыгулицы: (У Мари очень храбрая поза) я докажу, что я всегда остаюсь собой... (БОРИСЪ готовъ подѣловать - входитъ ПОЛКОВНИКЪ, ЛЮЛЯ И НЯНЯ въ залу и слышитъ разговоръ Марии и Бориса; БОРИСЪ съ АЛЕШЕЙ спускается въ кухню молча.)

ЛЮЛЯ. (входя). Да вотъ она и сама... Няня намъ уже въ передней все рассказала.

ПОЛКОВНИКЪ. Только что заѣхала къ вамъ, Мари...

ЛЮЛЯ. Что же вы, няня, сказала, что Мари уѣхала?

НЯНЯ. А мне же въ чему: думала улетѣла...

МАРИ. Такое несчастье: вдругъ вывалилась Холсто, что ее не увидѣ.

(ЛЮЛЯ и НЯНЯ приседаютъ къ столу на полу).

ПОЛКОВНИКЪ (отвѣдя Мари въ сторону). Батя оградь мнѣ

МАРИ. Вы любите у насъ?...

ПОЛКОВНИКЪ. Чего вы хотите сказать Борисъ... Я самъ сказалъ...

МАРИ. Ахъ, какъ вы изумительны... Я думала совсемъ забыла...

ПОЛКОВНИКЪ. Мари, вы помогите мнѣ спасти Бориса... Для насъ обѣихъ...

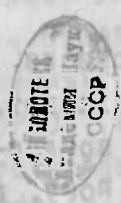
МАРИ. Да, конечно, да... (бросается къ ней). Вы не знаете, какъ

мнѣ важна на отца...

АЛЕША (подбѣгаетъ къ Мари, поспѣвая кукареку), кукареку - кукареку-

кукареку... Можете встряхивать сколько - угодно... (однако одно кукареку подъ обшій хохотъ вываливается впередъ).

НЯНЯ. Эхъ, ты кровельникъ...

З А Н А В Ъ С Ъ .

86351

ДІЯ ОТВІВ ВТОРОЇ.

Картина вторая.

Та не гостивая. Вечеръ. Прошло нѣсколько мѣсяцевъ.
ВОРИСЬ въ походной формѣ, ходитъ по комнатѣ. ЛЮЛЯ въ
вечернемъ туалетѣ.

ЛЮЛЯ (у телефона, помѣшавшагося на одномъ изъ столовъ). Онъ
окавывается за тобой зайхатъ. Что? Отчего такъ плохо слышно...
Ворисъ не хочетъ зайхатъ за тобой на концертъ. Не говоритъ почему:
неачень. Сейчасъ онъ подойдетъ и объяснить... (Ворису). Скажи ей
самъ.

ВОРИСЬ. Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ...

ЛЮЛЯ. Ходитъ по комнатѣ и глухъ къ твоимъ мольбамъ... Хорошо...
(Ворису). Мари прошитъ напомнить тебѣ, что сегодняшній концертъ
Кудашева "патріотическій" и потому это съ твоей стороны "ненатіо-
тично".

ВОРИСЬ. Роже мой...

ЛЮЛЯ. Что сказала? Трагически сказала: Роже мой"... Да, да, да, -
говорила, что тебѣ не съ кѣмъ ѣхать, - онъ отвѣтилъ, что ты могла
бы совсѣмъ не ѣздить и провести этотъ послѣдній вечеръ съ нимъ... Ну,
ужъ это вамъ дѣло, господа, - разбирайтесь сами...

ВОРИСЬ. Ты кончила, Люля? Тогда передай мнѣ трубку.

ЛЮЛЯ. давно бы такъ... (въ телефонѣ). Ты слушаешь, мари? Съ
тобой сейчасъ будетъ говорить Ворисъ. Передаю трубку. (ВОРИСЬ бе-
ретъ трубку изъ рукъ Люли и демонстративно кладетъ на аппаратъ). О,
какъ это грубо, Ворисъ... Ты раньше времени расходуешь свой воинствен-
ный пылъ... (телефонъ звонитъ). Ну вотъ, это вѣроятно отвѣтній залъ...
Дожалуйста, не воображайте, что я подойду теперь къ телефону. (те-
лефонъ послѣ минутнаго затишья опять звонитъ). Предпочитаю подъ при-
крітіе (раскрываетъ перелъ собой вечернюю газету).

ВОРИСЬ (вынужденный подойти къ телефону). Нѣтъ, это не ошибка, -
насъ не разбѣдили, - я положилъ трубку по собственной инициативѣ...
Соглаенъ: этотъ весьма неутчиво, но съ нѣкотораго времени я предпо-
читаю всякой учтивости правду и искренность... Да, да, слава Богу, все
устроилось, какъ я хотѣлъ - вамъ протекція не помѣшала мнѣ въ концѣ
концовъ добиться своего права. Но чего мнѣ это стоило... Я не говорю
о борьбѣ съ вашей всемогущей протекціей, "облегчавшей" мою участь, -
я говорю о томъ, что я пережилъ за это время. Я не оправдываю свою
мать, обратившуюся къ вамъ, но я ее понимаю: она привыкла считать
меня своей собственностью. Въ нея эгоизмъ материнская любовь, - ее
мнѣ не приходится упрекать въ томъ, что она мало уважаетъ меня, что
въ роляхъ она не захотѣла признать за мной нѣ самостоятельности.

в долга, ни чести. Но простить вам то, что вы проделали со мной прос-
то во имя вашего легкомыслия, я не могу... Простите. Очень извиняюсь,
но и у меня сегодня тоже сборы на своего рода патристическй концерт:
он завтра выступаемъ. Пожалуйста, я никогда васъ не считалъ
за нѣмцу.... Не по вашей нѣмецкой фамилии, а по вашимъ отношеніямъ ко
мѣ я полагалъ, что г-нъ Кудавевъ съ его патристическимъ концертомъ вамъ
гораздо ближе.

ЛЮЛЯ (изъеза газеты). Пожалуйста, оставь моего Кудавева въ покоѣ...

КОРИСЬ (въ телефонъ). Моя сестра другое дѣло - она ѣдетъ на этотъ
концертъ, только чтобы хоть чѣмъ-нибудь развлечь маму.

ЛЮЛЯ. Не сочиняй, мама отказалась.. Я ѣду съ папой... И вообще
не потому.

КОРИСЬ (въ телефонъ). Да наконецъ, это ея личное дѣло. На этомъ
и покончивъ, до свиданья или прощайте... Какъ Богъ дастъ... (кладетъ
трубку и отходитъ отъ телефона).

ЛЮЛЯ (лукаво). Войска отовли безъ потерь, сохранивъ свои позиціи..
КОРИСЬ прилежъ ва диванъ)... и залегли въ окопы... (телефонъ завво-
нилъ опять. КОРИСЬ выдерживаетъ паузу, зарѣмъ вскакиваетъ и бѣжитъ
къ нему. ЛЮЛЯ нагнриваетъ на губахъ "каваллерійскую атаку"). Завяза-
лось дѣло....

КОРИСЬ (въ телефонъ). Слушаю... Я...

ЛЮЛЯ. Милосердная сестрица остается на передовыхъ позиціяхъ...

КОРИСЬ (рѣзко, "стрѣляетъ" словами въ телефонъ). Нисколько...
Неправда...

ЛЮЛЯ. Бумъ... Около разорвалась первая бомба... Или, какъ го-
ворятъ, ченоданъ...

КОРИСЬ (Мари). Вамъ медальонъ? Смѣшно везти его съ собой, когда
он неразлученъ съ портретомъ генія... Позоръ...

ЛЮЛЯ. Бумъ... Вторая бомба слегка контузила сестру... (встрево-
женно). Послувай, Корисъ, неужели она дѣйствительно интересуется
Кудавевымъ?

КОРИСЬ (не отвѣчая сестрѣ). Можеть быть, только на время сегод-
няшняго концерта? Какая честь занять на завтра его мѣсто...

ЛЮЛЯ (протяжно). Ни-че-го не понимаю...

КОРИСЬ (продолжая). черезъ день, черезъ недѣлю артистъ Кудавевъ
можетъ повторить свои патристическіе монолги, но при всемъ его
талантѣ онъ не сумѣетъ повторить моего завтрашняго отъѣзда.

ЛЮЛЯ (отнимаетъ телефонную трубку отъ Кориса). Мари, это без-
сердечно съ твоей стороны... Легкомысленно... Нѣтъ, это не Корисъ,
я. Да, да, да, - я....

КОРИСЬ (взволнованно). Люля, дай мнѣ окончить разговоръ.

ЛЮЛЯ. (Мари). Возмущена, возмущена, потому что ты скрываешь от меня, что Борис ревнует тебя к Кудашеву. Это нелицо? Все равно, — передай и твоему Кудашеву, что я возмущена и на его концерт сегодня не пойду.

БОРИСЬ. Понимаешь, понимаешь, Люля, как это оскорбительно и по гимназически глупо...

ЛЮЛЯ (въ телефонъ). Правда? Нѣтъ, серьезно? Ты увѣрена? (чмокает губами въ телефонъ). Нѣтъ, ничего не чмокаетъ: Это я тебя поцѣловала. Конечно, прѣзжай, и иди на приступъ. Вѣдай трубку... (блату). Ты понимаешь, Борисъ, чѣмъ я была возмущена?

БОРИСЬ. Не старался понимать.

ЛЮЛЯ. Хочешь скажу?

БОРИСЬ. Это меня шало интересовать.

ЛЮЛЯ. Ну, так слушай: Василій Николаевичъ подарилъ мнѣ свою миниатюру, я вставила ее въ медальонъ и вдругъ ты, въ своихъ ревнивыхъ измѣненіяхъ, дѣлаешь предположеніе, что и твоя невѣста...

БОРИСЬ. Значитъ и ты, Дюлька?... А я думала, что тобой занятъ осваиваніе баронъ.

ЛЮЛЯ. Да, но я те раздумала быть баронессой... послѣ всѣхъ разоблаченій.

БОРИСЬ. Охъ, охъ, мнѣ нравится эта значительность... Я дамъ тебѣ медальонъ, а онъ добивается того, что ты вставляешь туда его миниатюру.

ЛЮЛЯ. И во всѣхъ смыслахъ это только миниатюра.

БОРИСЬ. Не пути... Неужели ты не понимаешь у божества такихъ шутокъ, всѣхъ этихъ медальонковъ, разговоровъ по телефону... И всего, всего...

ЛЮЛЯ. Конечно, во всемъ этомъ ничего, кромѣ смѣшного, и нѣтъ. Я радуюсь за тебя, Борисъ, — все серьезное у тебя впереди. Радуюсь потому говорю только глупости. Завидую: завтра ты пойдешь навстрѣчу "настоящему" ничѣмъ не связанной, свободной, слушательской поэзіи войны... А мы... мы остаемся съ ея прозой...

БОРИСЬ. Знаешь, дѣвочка, ты такъ права, какъ и не предполагаешь. Послѣ того, что я пережилъ за эти нѣсколько мѣсяцевъ мнѣ кажется кощунственнымъ нашъ образъ жизни. Бездумный, самовлюбленный и глупый, глупый безконецно... Россія пробудилась теперь отъ благодушнаго пьянства сна... Ну, развѣ возможенъ будетъ послѣ этой войны такія "безобидныя" существа, какъ Мари или твой баронъ?

ЛЮЛЯ. Ты хочешь сказать — мой Кудашевъ?

БОРИСЬ. Ну да, и онъ, и все мы, есиу подобны...

ЛЮЛЯ. Я не знаю никого, на кого бы Кудашевъ былъ похожъ...

БОРИСЬ. Люля?...

ЛЮЛЯ. Ну, что? серьезно. Сначала онъ и мнѣ казался только "любимцемъ публики". Первостепенный отъ поклоненій, онъ ждалъ отъ войны толк-

ко "впечатлѣній". А посмотри на него теперь. Вотъ люди, которые растутъ съ событіями и даже опережаютъ ихъ. Онъ сталъ восплоненіемъ происходящей борьбы: инъ - тамъ, а не среди насъ. Какъ по другому звучитъ его голосъ... Ты слышалъ, какъ онъ поетъ солдатскія пѣсни - онъ - драматическій артистъ.

РОРИСЪ. Сегодня для меня день открытій...

ЛЮЛЯ. Не говори пустяковъ. Знаешь, побдемъ вмѣстѣ на сегодняшній концертъ. А? Вернувшись, поговоримъ... У насъ ложа.

РОРИСЪ. Не знаю.

НЯНЯ (появляется слѣдомъ за Алейей. Корсетъ накрываетъ себя поверхъ головы бурковъ и выплываетъ такой фигурой на сцену). Что это за валоги. Алева? Съ всеннымъ вооруженіемъ, - отдай сюда бурку... Отдавай сейчасъ....

АЛЕЯ (распахивая бурку, онъ выходитъ изъ нея, какъ изъ балама. На Алейѣ огромные валенки сапоги). Милости прошу къ нашему баламу... (РОРИСЪ улыбаясь, помогаетъ нянѣ собрать бурку. АЛЕЯ раскашляется по комматѣ на манеръ кота съ сапогахъ).

ЛЮЛЯ (въ дверяхъ). Папа, мы ѣдемъ - ты готовъ?

НЯНЯ. Да они не слышатъ, дѣвочка, - запершись.

ЛЮЛЯ. (коротко). Почему?

РОРИСЪ (полувопросомъ, съ легкимъ раздраженіемъ). Что еще?

НЯНЯ. Мамочку разговариваютъ....

ЛЮЛЯ. (протяжно). А-а-а...

РОРИСЪ (съ гримасой). Ой...

НЯНЯ. Ничего, пусть поплачетъ: привяжетъ тебя покрѣпче.. Алевенька, да сними ты сапога, - не надорвай ты мою душу... Хоть бы ты къ мамочкѣ пошелъ, приласкался: "я съ тобой, моль, мамочка, остаюсь, - не плачь"....

ЛЮЛЯ. Пойдемъ къ мамѣ, Рорисъ?

РОРИСЪ. Нетъ, это какое то стѣпанье... Что же это такое? Я не могу... меня разьте все время хоронять. Я понимаю, когда въ деревнѣ баба голосаетъ, вѣпляется въ своего кормильца, - такъ вѣдь она дѣйствительно "голосаетъ", соблюдаютъ обычай, а мама... плачетъ, именно плачетъ... тихо и... ужасно плачетъ. (со слезами на глазахъ). Пожалуйста, не подумай, что я напускаю на себя браваду, - я совсѣмъ не увѣренъ въ своихъ собственныхъ нервахъ. Мнѣ безконечно жалъ мамочку. Но понимаю, какъ отецъ правъ, когда онъ груститъ въ тихомолку и ссодится зятѣмъ на самого себя.

НЯНЯ. Побѣжайте вы, куда собрались, - вотъ что... Учить станете, какъ кому плакать, - того гляди сами расплачетесь. Сколько поплачетъ

обезооштрвлон вальчикка...

АЛЕША (кладеть трубку на столъ и авторитетно заявляетъ). Телефонъ испорченъ... Впрочемъ, я знаю, въ чемъ дѣло... Я сейчасъ поправлю.

НЯНЯ. Нѣтъ ужъ, извините, простите - не донуну... Пускай лучше на весь домъ звонить: отъ твоей починки и живъ не останется....

АЛЕША. Хорошо... Пускай звонить... (кладеть трубку на вилку, телефонъ опять начинаетъ сводъ музыку).

ПОЛКОВНИКА (въ дверяхъ). Кто звонить? Подойди же, Алена, вотъ ты...

АЛЕША. Я буду жаловаться на няньку отцу. Это прямо подлость... Она воображаетъ, что мнѣ семь лѣтъ...

НЯНЯ. Да кому теперь звонить, окромя пустозвонствъ...

АЛЕША. Звонила Мадри: и хотѣла сказать, что Даша уѣхала съ Норрисомъ, а она потянулась за трубкой: я отъ нея, аппаратъ за мной, - провода и выскочили... Конечно, не совѣмъ... Я могу поправить?

НЯНЯ. Норенька что это загрустилъ, - я и в уговарила его поѣхать съ Леночкой въ театръ. (Алешѣ). Оставь, мальчикъ, тебѣ сказано разъ навсегда...

ПОЛКОВНИКА (очень зволнованно, навстрѣчу входящему мужу). Слививъ Норрисъ уѣхалъ въ театръ...

ПОЛКОВНИКЪ. Прекрасно слѣлалъ. Съ Дашей?

ПОЛКОВНИКА. Это въ послѣднѣи-то вечеръ передъ отъѣздомъ... Да вы повнимаете, что завтра утромъ... Онь...

ПОЛКОВНИКЪ. Выступаетъ?... Ну и что же? На позвѣняхъ ему будетъ не до театра - прекрасно рассудилъ: послушаетъ музыку.. Ужъ лучше отвести душу на лодяхъ, чѣмъ блуждать во комнатахъ и слушать свои охи, да вздохи.

НЯНЯ. Да и Леночкѣ не съ кѣмъ было ѣхать: баринъ-то запериневъ бѣгавъ... Лоша пропала-бн.

ПОЛКОВНИКЪ. Алена, заниматься...

АЛЕША. Только скажи нянькѣ, чтобы она оставила меня въ покоѣ... (уходить).

ПОЛКОВНИКЪ. Скажи это ей самъ.... (НЯНЯ, оскорбленная въ своихъ лучшихъ чувствахъ, уходитъ). Позвольте, однако, а чѣмъ же это я виновата? Вѣдь вотъ шалѣвая дѣвчонка - убедила, что я должна ѣхать съ ней на патристическій концертъ, а сама въоруженная и бросила своего.

ПОЛКОВНИКА. (съ приступомъ слезъ). Не хватаетъ только, чтобы и ты бросила меня одну...

ПОЛКОВНИКЪ. А не хватаетъ - такъ я в брову. Силъ моихъ больше нѣтъ... Это наводненіе какое то... Возьми ты себя въ руки... Алена...

ПОЛКОВНИКА. (сморкаясь). Нѣтъ, нѣтъ, не буду, не буду...

ПОЛКОВНИКЪ. (подавая води). Выпейте глотокъ... А не будете, такъ не поѣхате ли и намъ за сномъ да поразвлечься. А? Полковница?

ПОЛКОВНИЦА. Нѣтъ, нѣтъ, ни за что...

ПОЛКОВНИКЪ. А по моему такъ — такъ! какъ-то не годится оставлять его одного...

ПОЛКОВНИЦА. Боясь онъ оамъ этого пожелалъ...

ПОЛКОВНИКЪ. "Пожелалъ", "пожелалъ"... Увидѣлъ, что вы за него безъ слезъ сморкаться не можете и уѣхалъ, чтобы васъ не облегчить. Поди, самого къ матери да къ отцу тянешь, а какъ порядочный человекъ, обязанъ мать свою погладить (прошелся по комнате). А?

ПОЛКОВНИЦА. Собирается на меня онъ...

ПОЛКОВНИКЪ. Да есть за что матушка... Не будемъ объ этомъ говорить: опять поспорию, такъ не поѣхате ли, говорю, и намъ? Чего добраго, скажутъ, пожалуй, что не онъ васъ, а мы его оставили. А? Полковница?

ПОЛКОВНИЦА. Оставь меня...

ПОЛКОВНИКЪ. Нѣтъ, не оставлю... Ты мнѣ скажи: патриотка ты или нѣтъ? Клуша-наседка или отчаянная женщина? Скажи ты мнѣ это прямо и спознательно... Двадцать лѣтъ я собирался тебя объ этомъ спросить.

ПОЛКОВНИЦА. Хорошо, хорошо, только не кричи... Все, что хочешь, только избавь отъ твоего крика... Побѣду, побѣду... (налимаетъ кнопку звонка, поправляется. Одновременно изъ дверей появляется НЯНЮШКА, за ней цѣлымъ семействомъ летятъ маленькія черныя петарды).

НЯНЯ (зудитъ шею). Не угодно ли, это онъ меня раздражаетъ... Да что-же это такое, баринъ... Всякое я перевидала въ вашемъ домѣ, но такого... чтобы мальчикъ... съ вашего благословенія... разнеслись...

ПОЛКОВНИКЪ (громовымъ голосомъ). Не ревѣть...

НЯНЯ (озабоченно). Слушаю, баринъ...

ПОЛКОВНИКЪ. Лошадь подана?

НЯНЯ. Такъ точно, баринъ...

ПОЛКОВНИКЪ (уходя). Такъ скорѣе, матушка... И такъ создали: впрочемъ гимна мы слышали, (все увидя, черезъ минуту на сцену возвращается НЯНЮШКА).

НЯНЯ. Мо-ло-дець... Могу сказать: командиръ... Какъ было двадцать семь годовъ, такъ и остался. (подбираетъ петарды). И Алевка-то весь въ него, а про Бореньку и говорить нечего: одно лицо... (изъ дверей крадется АЛЕША и вкравшись за спинку кресла, начинаетъ стрѣльбу по нянькѣ). Ой, Алевка, не балуй... Вотъ погоди ты у меня?... А... А... А... — озови какъ... Ей старуху старую... няньчила тебя, няньчила, а ты встать какъ... Перестанешь ты или нѣтъ? А то я и сама въ тебя сумью луннуть. Чего прячешься-то туда-сюда — какъ прусаки тараканы...

Ишь ты, австриякъ вустрий... Турокъ-ты-мурокъ...

АЛЕША (который сначала воинственно выкрикивалъ какіе-то звуки, хихикалъ и перебѣгалъ изъ подъ одного прикрытія къ другому, наконецъ расхохотался надъ аллраами няни и, обезоруживъ отъ хохота, упалъ среди горниной. НЯНЮШКА ошесточенно осипаетъ его остатками петардъ). Сдаюсь, сдаюсь... Верн меня въ плѣнъ...

МАРИ (отрашно растерянная, по обыкновенію отрашно энергичная, — она въ костюмѣ сестры, въ рукахъ у нея свертокъ и огромная коробка конфетъ). Здравствуйте, нянюшка. Здравствуйте, Алеша. Андрей сказалъ, что всѣ уѣхали... Правда?

НЯНЯ. Уѣхали, уѣхали, манечка.

МАРИ. (съ отчаяніемъ). А какъ же?... И Борноу уѣхалъ?

АЛЕША. Я хотѣлъ было сказать вамъ въ телефонъ, а...

НЯНЯ. Вотъ только, только уѣхали.

МАРИ (чуть не плача отъ обиды). Да, да, мнѣ сказали со станціи, что неисправность аппарата... Какъ это досадно, что они не подождали.. Для вичего не просила передать?

НЯНЯ. Поди, думали, что встрѣтятся въ театрѣ.

МАРИ. Нѣтъ, я не поѣду теперь, нянюшка — нарочно не поѣду. Хотѣла провести послѣдній вечеръ съ Борисомъ, — жалко, что не удалось.

НЯНЯ. Чѣмъ жалко те, сѣбя бы скорѣе къ себѣ въ автомобиль да въ перегонку съ ними: кто еще скорѣе-то къ театру подкатить.

МАРИ. Нѣтъ, нянюшка, я fatalистка: не застала, значитъ — не застала. Вотъ передайте ему отъ меня этого шоколадъ, чтобы не сердился на меня за мои хлопоты о немъ... И скажите, что... "отъ неизвѣстной"

НЯНЯ. Вотъ спасибо, манечка, такъ и скажу ему: "отъ извѣстной, молъ, тебѣ неизвѣстной" (АЛЕША фыркнулъ). Да что вы такая скучная?

МАРИ (со слезами на глазахъ). Устал очень, нянечка, за день.

НЯНЯ. Все за ранеными ходите?

МАРИ (овладѣвъ собой). Нѣтъ, пока еще у насъ въ лазаретѣ раненыхъ немного, то есть ни одного еще раненаго нѣтъ: очень трудно ихъ заплучить теперь. Мы свертываемъ пока шиты, расчерчиваемъ таблицы температуръ — знаете, такія клеточки для кривыхъ.

НЯНЯ. Скажите пожалуйста... для кривыхъ... О, Господи...

МАРИ. Ставимъ мѣтки на белье, составляемъ инвентарь... Ахъ да, — слушаемъ лекціи еще...

НЯНЯ. Подумайте... А у насъ мимс оконъ-то каждый день везутъ...

МАРИ. Эти уже заранѣе распределены, — въ дорогѣ еще перехватываютъ по протекціи. Но мы противъ этого. И кромѣ того навѣ лазаретъ только для легко раненыхъ герсоевъ, — онъ такъ и называется. Да я бы, кажется

в не могла, нянечка, ухаживать за безногими да безрукими...

НЯНЯ. А почему вы знаете? Про дивушку ничего напередъ оказать нельзя:

АЛЕША. А какъ же, если нанего Форвса сильно ранить?

НЯНЯ. А такне вотъ: типунъ тебѣ на языкъ... Никакой человекъ себя не знаетъ...

МАРИ. Старавоь объ этомъ не думать... не думать... Какой ухаоь... Это уже не люди, а какіе-то обрубки людей..

НЯНЯ. Такъ, такъ, такъ, - тяжелыхъ, значить, не принимаете? Такъ, такъ...

МАРИ. У меня еще просьба, нянюшка, (достаеъ изъ сумочки маленькій пакетъ). Здѣсь локонъ моихъ волосъ... Положите его тоже въ коробку.

НЯНЯ. Съ воколадомъ-то, манечка? Какъ-то нехорошо: я ему лучше къ мундиру въ ладовку подовью. (МАРИ убито киваетъ головой).

АЛЕША (поднимая упавшее настроеніе). А по моему, пять фунтовъ воколаду это очень много, - особенно Форвсу придется много чего вкннуть по дорогѣ...

МАРИ. Почему?

АЛЕША. Съ собой на сѣдло не уместить, а если въ обозъ сдать, такъ за конницей обози не послѣдуютъ.

НЯНЯ. Ну, конечно, лучше всего подовану коробки тебѣ отснпать.

МАРИ. Нѣтъ, Алева дѣйствительно правъ - Форвсъ, конечно, ввброситъ мой воколадъ или кому нябудь отдастъ.

НЯНЯ. Да почему же такъ, манечка?...

МАРИ. Да потому, что онъ... невѣжа, вавъ Воренька... И потому еще... Давай, развяжемъ коробку, Алева. Ты любишь воколадъ?

АЛЕКА. Я считаю его очень питательнымъ веществомъ.

НЯНЯ. Ужъ такимъ питательнымъ, что только имъ и питаешься.

АЛЕКА. Не можешь безъ вылекъ, нянюшка?

МАРИ. Куван, пожалуйста. Верите, нянечка.

НЯНЯ. Рлигодластвуйте. Ужъ лучше-би Воренькѣ отравить.

МАРИ. Хватить, - тутъ много. А это для него-то табакъ.

АЛЕТА. Вотъ такъ разъ, - да вѣдь онъ не курить...

МАРИ. Знаю, - ну, такъ что же, - будетъ жевать.

НЯНЯ. Что вы, манечка, зачѣмъ не это, прости Господи, жевать?

АЛЕША. Вотъ снѣгави... Это же укрѣпляетъ десни...

МАРИ. Ничего не подблаеъ, нянечка, - война. А это вы кому?

НЯНЯ. Да солдатннамъ...

МАРИ. Изъ версты?

НЯНЯ. И велеть-то, какъ велкъ... Возьмите на руку-то....

МАРИ. Не годится: вязаныхъ веней послать нельзя, - въ вухъ раз-

водятся... эти... насёкомья...

НЯНЯ. Вошь?

МАРИ. Какъ вы говорите?

НЯНЯ. Вошь. Ужъ делятатѣе никакъ в не скалеть.

МАРИ (вспугавшо). Да, да, въ родѣ этого... Нельзя посылать бѣлья изъ бумагея: плохо просыхаетъ... Нельзя посылать... (шепчетъ нянѣ что-то на ухо). Понимаете?

НЯНЯ. Какъ не тонять... А что же можно-то?

МАРИ. Да все остальное, все можно. Не рекомендуется посылать сливкомъ мелкія вещи - легко затериваются, а крупныя понапрасну обременять людей... Однако, сколько теперь времени? Вѣроятно, идетъ уже второе отдѣленіе. Охъ, что это я: хотѣла посмотрѣть на часы, а раскряла медальонъ. Вотъ онъ, нашъ драгоценный Форенька. У, противный...

НЯНЯ. Ужъ значить не особенно противный, коли въ медальонѣ.

МАРИ (приподая къ нянѣ). Нянечка, неужели онъ завтра уйдетъ?

НЯНЯ. Уйдетъ, родная. Цѣлный день вчера царскій указъ подъ погонов носилъ... Шелъ бы та, Алешенька, спать: получилъ свое в уходя.

МАРИ. Возьми, Алена, еще.

НЯНЯ. И ступай.

АЛЕНА. Спасибо, я возьму "ене я... не уйду "ене...

НЯНЯ. Вотъ вамъ... (махнула на вѣро рукой). Пока вошкъ не усидитъ, не успокоится. И какъ это у него животь переносить... Постыдился бы: братъ на войну идетъ, а онъ конфеты ѣстъ. Э-э-эхъ... (съ сердцемъ увязываетъ коробку).

АЛЕНА. Съ удовольствіемъ помѣнялся бы съ нимъ.

МАРИ. Порадите мнѣ, нянечка, на него.

НЯНЯ. Ну воть, какая я гадальяпа...

МАРИ. Ётъ, нѣтъ, нянечка, все по вашему обивается. И получить

НЯНЯ. Всегда, сама не знаа что...

АЛЕНА. Принести карты изъ твоей комнаты?

НЯНЯ. Да почему ты знаешь, гдѣ?

АЛЕНА. Въ твоей то комнатѣ? Да я тамъ все до послѣдней коробочки знаа... (увелъ).

МАРИ (ласково). Славный...

НЯНЯ. А учится пло-о-хо... какое, говорите, теперь ученье, когда война. Вѣдь вотъ подите... (вняа, что МАРИ опять смотритъ на часы) Времени-го много?

МАРИ (со вздохомъ). Да, не поѣхать ля мнѣ дѣйствительно?

НЯНЯ. А чего раздумывать то: встала да пошла.

МАРИ. Онъ воображаетъ, что я не прѣехала только потому, что онъ не заѣхалъ... Правда?

НЯНЯ. Само собой. И ложа у вѣннхъ литерная, просторная.

МАРИ. У меня есть кресло рядомъ съ моимъ папой.

НЯНЯ. Такъ чего же... — пожайте скорѣи. Нехорошо напоследкахъ то ссориться. Да и то повать надо: на войну человекъ идетъ...

МАРИ. Ну, до свиданья, нявечка. (поцѣловала ее).

ЭМИЛИЯ (появляясь въ глубинѣ). Баринно просятъ къ телефону.

МАРИ. Меня? (направляется къ столсвому телефону). Это, навѣрное, баронъ. — онъ со вчерашняго дня не даетъ мнѣ покою: хлопочи да хлопочи о его нѣмцахъ...

НЯНЯ. Да этоть-то у насъ поломался.

МАРИ (снохватившись). Ахъ, да...

ЭМИЛИЯ. Пвѣцдаръ поднимался....

НЯНЯ. Да кто безлоконлъ то? — Докладывалъ овъ?

ЭМИЛИЯ. Молодой баринъ. Приказали сказать: извиняются — по причине порчи телефона.

МАРИ (сразу заторопилась). Проводите меня, Миля.

НЯНЯ (уходя за Мари и Эмилией). Накинуть ва себя что-вибудъ надо. Манечка...

АЛЕБА (вбѣгая). Вотъ карты... Никаго нѣтъ... (хочеть вынуть карту). Загадаю: если завтра вызовутъ по нѣмецки — должна быть пика: если будетъ "письменная" по латыни — вынется трефовка: если все будетъ благополучно — червовка, а если свободный урскъ или ене что-вибудъ прятное, то — бубновка. Ну, Господи благослови... (внимаетъ пиковую масть и въ укасъ). Пика... Что же это за издѣвательство... Въ то время, какъ эти негодня льютъ намъ кровь... — тутъ заставляють изучать ихъ проклятый языкъ... На улицахъ запрещаютъ говорить по нѣмецки, а нѣмецъ въ классѣ запрещаетъ говорить по русски... Вотъ тутъ и разберись. Нѣтъ, конечно... переговоры съ братомъ да и махну прямо съ нимъ. Только какъ повмать его одного... около него вѣчно кто-вибудъ околчивается... (походивъ по комнатѣ, присѣлъ). Дождусь его здѣсь... Вынесу всѣ нявннкинн приставанья... Солдаты на войнѣ и не то терпятъ... (Разочарованно). А придуть нави и повлеть меня немедленво спать... Завтра Форису будетъ оионачательно не до меня... Что же дѣлать? Возьму оиов веи ва случай, а тамъ будетъ видно... Примѣряд-ка ихъ ене разъ... (достаеть изъ подъ кривки бояля панаху, варежки, валенки, кулакъ, варфъ, солдатскій пслувубокъ, одѣвается и вмповизируетъ на тему о лазутчикахъ, окоповъ и т. д.: затѣмъ сливнть голоса и прячется подъ бояль: входитъ МАРИ, за ней няввчка).

МАРИ (страшно расстроенная). И не уговаривайте, няня, не пойду... Это Родя знает что такое... Такая неделикатность сь его стороны...

НЯНЯ. Да это Леночка, поди, все напутала...

МАРИ. Нѣтъ, нѣтъ, онъ тоже зналъ, что я должна была зайти и ѣхать вмѣстѣ. Родисъ нарочно поѣхалъ съ Димей. И полковница меня въ чемъ то обвиняетъ, когда Родисъ самъ не захотѣлъ остаться при штабѣ... Поползли онъ хоть съ мѣсяцъ, такъ его и совсѣмъ не взяли бы: всѣ ваканси разобраны добровольцами... А теперь онъ званить черезъ швейцара... (носовой платочекъ уже въ рукахъ)

НЯНЯ. Да вѣдь позвонилъ все-таки? Значить подумалъ въ театрѣ то про васъ...

МАРИ (упорствуя въ своихъ уверткахъ). Подумалъ... Ему "некогда" все это время думать обо мнѣ... А въ театрѣ и подавно: теперь нкъ тамъ чувствуютъ... А знаетъ ли онъ, кто устроилъ это? Я... Я организовала этотъ комитетъ, я предложила закупить цвѣтовъ... И я не осталась не при чемъ... Мнѣ что несладко: сказала отцу, что ѣду съ вами, - онъ теперь сидитъ одинъ, волнуется... Вечеръ потерялъ, настроение испорчено, меня унизили, - а въ концѣ концовъ меня не будутъ обвинять въ капризахъ...

НЯНЯ. Да почему же вы, Машечка, теперь то отказались? Плутовались, дѣловались, а тутъ вы вотъ поди... Какъ войну объявили - все у васъ восзь пошло: всевать стали...

МАРИ. Поѣхать сейчасъ - это же значитъ не уважать себя?...

НЯНЯ. Сама сейчасъ ѣхать собирались?

МАРИ. Собиралась, а когда Родисъ сталъ упрекать по телефону, я сразу поняла, что это унижительно...

НЯНЯ. Почему такому унижительно, когда человекъ въ радости васъ зываетъ? Позвольте васъ спросить?

МАРИ (трагически). Вы не понимаете, няня...

НЯНЯ. Понимать то нечего... Охъ, ужъ и барышни нынче пошли - не разберешь васъ, какія...

МАРИ (элегически). Какія? (чуть-чуть расстроившись). Несчастныя...

НЯНЯ. Вотъ, вотъ, именно что... невпопадкя...

МАРИ (насторожившись). Невпопадкя?

НЯНЯ (остроумная по своему и ступенивая въ то же время своей рѣзкостью). "Невпопадкя - да на все палки"... Ой, сообразивъ съ вами... Погадать вамъ, что ли, съ вами взапрозду?

МАРИ. Да, да, нянечка, драгоценная, погадайте мнѣ... (Взяла себѣ изъ графина, выпила нѣсколько глотковъ, недопитый стаканъ воды поставила около нѣ стола, поѣхала къ нянѣ, какъ послушная дѣвочка, которую только что считали, обняла старушку и нѣсколько разъ даже

чвоннула)

НЯНЯ. Сейчас привесу карты: Алена-то вода, от ногъ сбился — во ванель-првирятала и.... Листру можно погасить?

МАРИ. Ковечво, нянечка....

НЯНЯ. Чего ей горѣть-то зря (гасить листру, уходитъ: на оцевѣ остается одна столовая лампа съ концентрирующимъ свѣтъ абажуромъ).

МАРИ. (послѣ небольшой паузы). Что? Это ты Тузикъ? Поди сюда, собачка... Ну оворѣй... Оворѣй... У, какой... во хорошій... Не хочевъ? Да гдѣ ты тутъ? Чего ярвтался теперь.... (испуганво). Да кто тамъ стоитъ? Можеть быть во Тузикъ? (привѣщаетъ на диванѣ и все болѣе в болѣе вугаетоя). Тузикъ, вилая ообачна... Тузикъ... собачка... со...бач...ка....Тту...зикъ... (вскрикнувъ). А... Кто тутъ?... Няня... Загните листру... (И вдругъ листра дѣйствительно вспыхиваетъ, во въ гостиную никто во повель, хоти хлопнула кабинетная дверь: оворанная во оторовамъ Мари никого во видить). Что во это? Т...тучвкъ... Это во ты... кто... повернулъ кнопку? А? (Мари обезсвлевная опускается на сиввку дивана). Никого вѣтъ.... Во кто же тогда провель въ кабинетъ?

НЯНЯ (вошла и остановилась). Чего это во вв вообразилсь?...

МАРИ. Няня...

НЯНЯ (ее уже разбираеть смѣхъ). Словово курица на насѣотѣ, прости Господи...

МАРИ (Сидя уже на самомъ диванѣ). Няня... Нянечка... Кто это хлопнулъ дверь во кабинетъ?

НЯНЯ. Да, Христось съ нами, Манечка, — кому тутъ хлопать: воѣ во буретной сидить.

МАРИ. Вѣтъ, вѣтъ, — тамъ кто-то есть... Можеть быть, это баронъ?

НЯНЯ. Да откуда ему тамъ быть? А поидемъ да посмотримъ, коли такъ...

МАРИ. Роже меня сохрани...

НЯНЯ. Экая трусиха... словно маленькая... страмъ во весь Петро-брухъ... Петербурхъ... ой, что это Питерградъ... У насъ Аленевна и тотъ теперь во темную комнату, пожалуй, войдетъ, а во то что....

МАРИ. Я боюсь темноты... Не уходите, няня.

НЯНЯ. Да вадо же поосмотрѣть-то, во дай Рогъ... Чего вамъ теперь-то бояться, во полномъ свѣту?

(НЯНЯ окриваеоя за дверь кабинета, во гостиной ввезалая темнота, вскрикъ МАРИ перебѣгъ эя къ дивану на авансцевѣ в тотчасъ овить полный свѣтъ, а во корогѣ кабинета виновка).

НЯНЯ. Ну чого опять? Какъ есрь пнного тамъ вѣтъ. (замѣривъ на

голь карна). А карта моя вотъ, какъ эсть тутъ... Назель вѣдь, таив, мальчишка

МАРИ. А можеть быть это онъ?

НЯНЯ. Что?

МАРИ. Паллясь съ электричествомъ?

НЯНЯ. Гдѣ?

МАРИ. Сейчасъ.

НЯНЯ (ознаменовавъ). Очень можеть быть: у насъ и эта забава бываеъ... эсь ва то везть... (убѣждающе) А только, тецерь-то занмаеъся онъ: корѣла я сейчасъ... Ну гадать - такъ гадать... (таюя карты, опчетъ). Чѣсло третій - масть... Вѣй тридцать вѣсть вѣсть... Не прие... Скажите... Вѣрнимъ эрнос... Маловѣрнимъ.. (къ Мари). Снимите.

ЭМИЛЯ (входя). Пора сервировать, Прасковья Федооѣвна?

НЯНЯ (разкладывая карты). Сервируй.

ЭМИЛЯ. Посторонніе будутъ?

НЯНЯ. Можеть и будутъ. Не мѣшай... (Эмилия уходитъ). Въ думахъ у эго почтенный король... Охъ... (чокачиваетъ сокруженно головой). Воти соботвенной нѣтъ и злодѣя... Вотъ она: маменька-то вздыхаетъ...

у маръяжанаго ниреосу вѣня эъ него нѣтъ, - зато и въ мнѣяхъ го у эго король... Цолога... Ну, конечно, - дальняя дорога... Вотъ, горюге, что карты врутъ, - а врутъ го люди... (повѣвываетъ, креотвѣтъ отъ). О-охъ, Господи, прозри согрѣшенія... Валегя эти... нечаянныя... узъ, - не иначе, какъ нисьмо... Семерка пиковая... это отъ добрыхъ людей... Подрядъ эъ рузомъ... ударная...

(МАРИ сначала живо ниреосуется каждой картой и часто спрашиваетъ: "а это что?", "эра карта?", потомъ ова окиднаеъся въ креслѣ назадъ, устроиваетъ поудобнѣе и мезли ея отъ карты переходяеъ на того, о комъ гадаетъ, - переходяеъ въ грѣзы и опасенія... Когда нянюшка эзе меньше и рѣже говорить, МАРИ захлываетъ глаза, сохраняя, однако, позу задумавшагося челоука. НЯНЮШКА понемногу начинаетъ клеветъ возомъ, монологъ переходить въ боомоганье: лампа на столѣ постепенно и оотвѣтвенно съ заснпавшемъ няни темнѣетъ, точно такъ в лѣста. Наконецъ на сценѣ воливѣнная темнота).

КАРТИНА ТРЕТЬЯ.

(Междудействие)

Въ моментъ темноты задняя сѣна поднялась вверхъ и передъ глазами зрителей мало по малу обрисовывается картина она: картина должна быть приготовлена въ арьероценѣ заранее....х)

Поле недавней битвы. Ночь, въ небѣ кровавая луна. Вырисовываются силуэты: опраковнувшаяся телѣга, зарядный ящикъ, торчагъ вверхъ ногами труп лошадей. Всюду убитые и раненые въ разнообразныхъ формахъ в позахъ. Сначала полная тишина, затѣмъ довоются тихіе стоны, они заростаютъ и опять замолкаютъ, и опять мертвая тишь: это стонетъ земля. Вдругъ прокатывается гулкій выстрѣлъ, пронзительно вскрикиваетъ отъ боли раненый Борисъ, воплещиваетъ руками и затихаетъ. Тяжело, медленно пролетаютъ вороны. Последний діалогъ ведется въ тонѣ, не нарушающемъ иллюзію сценичнаго дѣія, — сцена должна производить впечатлѣніе живой картины.

БОРИСЪ. Пить... пить... Вотъ живое челоѣкъ, — отзовись....

(Въ отвѣтъ все притихло: вдали появляются фигуры двухъ германскихъ мародеровъ, одинъ изъ нихъ баронъ, она наклоняется надъ трупами, обнюхиваетъ ихъ, двѣтъ добычу. Мародеръ приближается къ Борису, слышится вѣдкая рѣчь. Борисъ съ изкопеченнымъ отъ страха лицомъ натягиваетъ на себя солдатскую шинель).

I. Постой (Halt!). (замѣтивъ въ одномъ изъ убитыхъ полуше сапогъ). На этой сѣнѣ хороша копытца... (Dies Schwein hat gute Hufeisen) (Стягиваетъ сапогъ).

ВАРОНЪ. Вдругъ мнѣ какъ разъ. (Sie sind mir recht).

I. Не пропущу — какъ бы мнѣ въ пошу не пришлось... "Изъ настоящей русской кожи" какъ на Фридрихштрассѣ. (Beelle Dich nicht zu sehr mein lieber Freund die kommen ja auch mir ganz passend sein — aus echtem russischen Leder wie wird auf der Friedrichstrass)

ВАРОНЪ. Пускай они пойдутъ въ мое дело... (Ach, lieb sie lieber mir!...)

I. Ужъ лучше въ мое... (Nein lieber mir!...)

х) При кляганіи картина она можетъ быть представляема кинематографическимъ аппаратомъ. Слова даннаго авторомъ въ этой картинѣ, скорѣе матеріалъ для режиссера. Лучше обогатись шестю словъ, пусть сѣнь будетъ мало появляться, но убѣдительно плавно.

НАРОНЬ. Все въ твою, да въ твою, а когда же въ мою...? (Nur alles
dir, nur Dir, doch wann mal mir....)

И. Ты что кричишь?... Что я себѣ взялъ? Русскія бумажки - такъ
а вотъ, возьми ихъ... Спроси себѣ на тысячу кружку нява... (Was bellst
ich mich so an! Was habe ich schon geh'genommen? Nur einzig russisches
Papier, da nimm es Dir, Und kauf für dieste tausend Rubel ein Schoppee
für Dir!)

НАРОНЬ. Нужна мнѣ она. Отдавай сапора, если ты честный вѣздъ.
Nur mag ich nit, gib lieber mir die stibel, bist wirklich Du ein
ehrlich deutscher Mann.

И. Самому нужна, если ты не совсѣмъ дуракъ... (Versteh mein Freund,
ich bin Du nicht ganzes Dummkopf bist.)

НАРОНЬ. Отдай... (gib ab!):

И. Ой, испугалъ, - "казакъ"... (O!, hast mich gar zu sehr erschreckt
du. "Kosak"!)

НАРОНЬ убь... (бросается на товарища, валяетъ его съ ногъ и дупить).
(Ich schlag Dich tot!)

И. Дьяволь... (Ach Du ein Däwiel!):

КОРИСЬ. Какой то коварь... Опомнись...

(Корисъ неожиданно для самого себя, движимый необы-
чайнымъ побужденіемъ обрасывается съ себя шинель и
приподнимается. Схватившіеся между собою германцы
падаютъ въ этотъ моментъ около него. Корисъ старает-
ся освободить лежащаго внизу мародера, оторвать отъ
его горла руки обезумѣннаго товарища. Когда наконецъ
это ему удается, Корисъ падаетъ безъ чувствъ. Обезу-
мевшіе германцы значаю съ недоумѣніемъ смотрять на
него, потомъ другъ на друга, потомъ опять на него).

И. Онъ русскій...

НАРОНЬ. Да... развѣ не видишь... Добить?

И. Если все русскіе похожи на него... Оставьте...

НАРОНЬ. Намъ не слѣдовало спориться съ вами... (но все-таки огля-
дываясь на Кориса германцы охотятся).

КОРИСЬ (едва слышно). Пить, пить... (послѣ этихъ словъ Кориса съ
земной авансценки изъ кресла поднимается фигура Мари; она беретъ стаканъ
съ водою, который прежде того поставила передъ собою и направляется въ
лубяну къ извѣстому отъ жандармовъ Корису. Такъ какъ въ этотъ моментъ
внимание зрителей все сосредоточено на движущейся фигурѣ Мари, то
для публики, должно быть незамѣтно появленіе другой женской фигуры на
костѣ сляней Мари, а такъ же и другого стакана съ водою на столѣ. Въ
будущіе зрѣльщики публика должна замѣтить присутствіе сляней

фигурой къ аваясценѣй, при посредствѣ озагорѣвагося камня, одновременно участвуя и въ замомъ актѣ сновидѣнія).

МАРИ. (оклоняясь надъ Борисомъ). Милнй...

БОРИСЪ (радосечно). Београ...

МАРИ. Какъ? Ты не узнаешь?

БОРИСЪ (жадно прильнувъ къ стакану съ водою). Спасибо...

МАРИ. Взгляни на меня, что у тебя съ глазами?

БОРИСЪ. Кровь... Искожу кровью.... Скорбе, скорбе....

МАРИ. (не зная, что предпринять.) Сейчасъ, сейчасъ. (перезвываетъ).

БОРИСЪ. Чольно. (у его изголовья появляется няня).

МАРИ. Какая рана... А... Не могу... (она отклянулася растегнувъ мушкетеръ Бориса, въ это время мародеръ побѣдигель успѣлъ ограбить своего товарища и замѣтилъ женщину, его фигура крадется къ ней сзади. Борисъ доподнявшись было на локоть, замѣчаетъ это).

БОРИСЪ. Ябгитя.

МАРИ. (вскочивувъ, поднялася на ноги, повернулася къ мародеру, тотъ бросается на нее и въ борьбѣ ихъ фигуры движутся къ тѣни аваясценѣй. Въ то время, когда вниманіе публики сосредоточено на этой борьбѣ, на аваясценѣй исчезаетъ подставаная фигура, лучше всего въ лѣхъ за кресломъ. На аррьер-сценѣ картина поля битвы постепенно погружается въ полянй мракъ и сѣва гостинной опускается на свое мѣсто).

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Картина четвертая.

И эта картина слѣдуетъ непосредственно за предыдущей, безъ всякаго антракча и опусканія занавѣса, полная темнота, заключающая гретью картину - междудѣйствіе, - омѣняется мгновенно полнымъ свѣтомъ столовой лампы, люстры, лампы и соритовъ. На сценѣ та же гостинная. Борисъ стоитъ около Мари. Мари въ той же позѣ, въ какой заснула, но съ широко открытыми глазами. Няня оклонивъ голову продолжаетъ спать, но впечатлѣніе отъ ея склоненной головы такое, что она только гадаетъ. Алена неизвѣстно гдѣ).

БОРИСЪ. Ну, почему было не поѣхать? Проидѣть въ позѣ обиженаго ребенка весь вечеръ? - Какъ это капизно, незаслуженно и на-

правое... Что вы на меня так смотрите?

МАРИ. Это вы?...

ВОРИСЬ. Какое-то в этом сомнение?

МАРИ. Слава тебе Господи...

ВОРИСЬ. В чем дело?

МАРИ. (уже около него; она хотела как будто коснуться его рукава, обходить его полукругом). Ворись, Ворись, Ворись...

ВОРИСЬ. Да что вы на меня так смотрите?

МАРИ. (со вздохом облегчения). Ах... видела душой слышала...

Таков справедлив сон...

ВОРИСЬ. Так вы заснула думь... И нянюшка: смотрите...

МАРИ. Постойте... очень дурной...

ВОРИСЬ. Немудрено... вероятно заснули в дурном настроении...

МАРИ. (Посмотрела: няня спит и вдруг бросилась к Ворису и обняла его подбоями, затем сияющая и сконфуженная обжала, присела и смотреть, подставляя причесту, как будто не разобралась еще, спит она или все это уже на яву). А вы что на меня так смотрите?

ВОРИСЬ (приходя в свою очередь в себя). Ничего... Я же узнаю вас... Я хочу... хочу... хочу... (двигает движение к Марии, Марии встает и бежит к стакану с водой).

МАРИ. Пить?... Пейте... (держит перед ним воду). Пейте, пожалуйста...

ВОРИСЬ. Я хочу оказать... что... я не узнаю вас в этом костюме...

МАРИ. Да... да... да... я это видела. Значит я хорошо оделась, что не приехала в театр.

ВОРИСЬ. А я хорошо оделась, что позволила вернуться. (Она прощально обняла и поцеловала Марию, отходя с водой ушла, разбудила няню). Это же счастье. (Происнувшая нянюшка встала из-за стола, — она и передусана, как это бывает, когда человек просыпается от звонка или какойнибудь внешней причины, и взволнована всеми пережитым во сне).

НЯНЯ. Ах ты, Господи... — никак я заснула?...

МАРИ (оживленная, какое бывает только востро влюбленная девушка). Представляю вам воссозданный вид в театре, когда вас воссоздали вместе с побывавшими на войне.

ВОРИСЬ. Этих предвещенных воссозданий и к себе не относиться. И востро, выжить из строя, быть раненым или убитым, это только несчастие, а идти на войну и бороться за герцога. В такое время, конечно, все возводило в подвиг, но только не в сражении славных, вы валу баронессу, например, сопротивлялись к яву праведниц только за то, что она связала несколько заключенников и два пизма.

МАРИ. Ой, как не хорошо Борисъ...

БОРИСЪ. Я все время въ театрѣ смотрѣлъ на люстру... и думалъ, совершенно, какъ въ Казанскомъ Соборѣ, гдѣ мы бывали въ дѣтствѣ съ няней.

НЯНЯ (вдругъ подъ наплывомъ чувствъ обнимаетъ Бориса). Родной ты мой. Не пущу я тебя.

БОРИСЪ. Няня... Что съ тобой?

МАРИ. Нянечка.

БОРИСЪ. Вотъ такъ молитвенница: взяла да разхныкалась. Скорѣе, скорѣе вытирай слезы то, скорѣе сейчасъ генералитетъ подѣбдеть.

НЯНЯ. Ой, что это я дура старая... (и вдругъ опять заливаясь слезами). Возьми ты меня Боренька съ собой. Хоть водичку вамъ буду подавать. Нежатъ они сердечные, въ полѣво: кругомъ ни живой души. (причитываетъ). "Ходятъ они по колѣнъ въ крови, плаваютъ на плотахъ-тѣлахъ, гдѣ одинъ упалъ, другой стоитъ, тутъ не можетъ, другой па- лить, гдѣ пули вѣдутъ, тамъ грудь берутъ, гдѣ грудь не беретъ все- душу отдаютъ"... (уходя). Христа ради простите, Манечка.....

МАРИ. (провожая ее до дверей). Успокойтесь, успокойтесь нянечка, милая, — замъ вредно такъ волноваться.

НЯНЯ. Что со мной дѣлается. Въ Бореньку то покойше вдѣпнитесь. (уходя въ слезахъ чуть слышно:) "Лампадки поправить пойдутъ".

МАРИ. Слышали, что няня сказала.

БОРИСЪ. Нѣтъ, что?

МАРИ. Что бы я покрѣче вдѣпнялась...

БОРИСЪ. Какъ вдѣпнялась?

МАРИ. Въ васъ. Можетъ быть мнѣ действительно слѣдуетъ одѣлать это. Почему вы меня теперь оставили въ покой. Борисъ... очерего вы не захотѣли обвиняться до отъѣзда.

БОРИСЪ. А если я не вернусь. Или вернусь калѣкой. Зачѣмъ же на- прасно.

МАРИ. У, какой злой...

БОРИСЪ. Въ чемъ же вы видите, что я злой.

МАРИ. Во всемъ, и въ отношеніи ко мнѣ, и къ всемъ. Что вы сей- часъ сказали о Баронессѣ. Чѣмъ она васъ обидѣла. Если принявъ во вниманіе ея прибалтійское происхожденіе, то и полагая она достойна уваженія. Что, какъ не патриотизмъ подвигаетъ ее на добрая дѣла....

БОРИСЪ. Патриотизмъ... Вотъ то что для меня теперь, милліоны страданій... всея котораго чувствъ и чувствъ, мысленъ и мыслями, они непоколебимы въ своемъ благодушіи: "Громъ побѣды раздавай- ся" — и тутъ вся ихъ формула. Они громъ, звонъ и пуля этой побѣды бою, которую ведутъ за нихъ, гдѣ то тамъ на гравинахъ солдаты. И я конечно, и я всею душой хочу побѣды, но я мучусь и горю желаніемъ

содѣйствовать имъ. Содѣйствовать не патологической шумихой, которая должна будто бы кого то ободрять, дѣйствовать даже не исполненіемъ своихъ обязанностей, а жертвой...

МАРИ. Да вѣдь в баронесса и воѣ жертвуетъ... Оглянитесь вокругъ...

БОРИСЪ. Я говорю с другомъ. Въ пожертвованіяхъ на войну, на раненыхъ нѣтъ еще никакой жертвы, это только прямая обязанность каждаго изъ насъ.... Жертвуетъ только тотъ, кто отдаетъ все, что имѣетъ или даже больше того. Когда человекъ жертвуетъ излишкѣмъ, — онъ не смѣетъ думать, что исполняетъ заповѣдь о милосердіи. Только отдавая свою жизнь, жизнь въ большинствѣ случаевъ принадлежащую семьѣ, друзьямъ и близкимъ, — только тогда человекъ дѣйствительно любитъ свою родину, дѣйственно любитъ и поповѣдуетъ.

МАРИ. Это мистрицизмъ, Боря....

БОРИСЪ. Вы... говорите это такъ, будто разъ это мистично, то есть мало понятно, то я не нуно... и будемъ говорить о другомъ. Такъ?....

МАРИ. Поговоримъ о самихъ себѣ...

БОРИСЪ. Я только и говорилъ о себѣ....

МАРИ. Я не поняла.

БОРИСЪ. Я не хочу думать теперь о нашихъ отношеніяхъ, сравнимъ ихъ такими, какія они есть. Будетъ видно, какими они будутъ.

МАРИ (со вздохомъ). Хорошо.

НЯНЯ (проходя черезъ сцену озабоченно). Не видали Манечка, Алешеньку.

БОРИСЪ. Нѣтъ здѣсь его нѣтъ.

НЯНЯ. (уходя). До коѣй поры не спать.... Возьте со мной.

БОРИСЪ (Мари). И исполните мою просьбу, не носите этого платья....

МАРИ: Не идете?

БОРИСЪ. Идете ко воѣмъ, а къ вамъ, можете быть въ особености, во....

МАРИ. Но я не подхожу къ нему, — хотите вы сказать?

БОРИСЪ. Не сердитесь, я не сомнѣваюсь въ вашей искренности и въ желаніи помочь, но сомнѣваюсь, что бы вы были дѣйствительно полезны.

МАРИ. Это мнѣ нравится. Сумѣла же я устроить концентръ, съ котораго собрала три тысячи, чистыхъ, а не чистыхъ было до земл... Изъ моихъ трехъ кружковъ вынули двѣ тысячи... Не говорю ужъ с махоркѣ, попробуйте отправить пятьдесятъ пудовъ.

БОРИСЪ. Да и я не говорю о махоркѣ, не говорю и с махоркѣ. Я знаю, что вы одѣлали много хорошаго... Я сомнѣваюсь только въ способностяхъ "сестры".

МАРИ. Хотите я сейчасъ вамъ одѣлаю перевязку.

ВОРИСЬ. ... я еще здоров.

МАРИ. Все равно, — что бы только доказать. Вѣдь и въ общинѣ мы перевязываемь пока однихъ здоровыхъ.

ВОРИСЬ. Не понимаю?

МАРИ. Утисомя... Но, пожалуйста, не воображайте, что мы бесплатно мучимъ солдатъ, они прекрасно зарабатываютъ свой вазъ. Да иначе было бы и незаработливо: приходится перевязывать по вѣскольکو часовъ и разнообразно.... Всего труднѣе перевязывать вотъ этотъ палець-указательный. — надо, чтобы и кисть была свободна, и ладонь не сжата... У васъ найдется бантъ?

ВОРИСЬ. Да нѣтъ, к... нѣ...

МАРИ. Я покажу вамъ... Своихъ я замучилъ этими перевязками: братья на меня о тѣ жаловались, — не понимаятъ, что мнѣ надо упражняться...

ВОРИСЬ. Вотъ я и думаю, Маря, что больнее, настояще больнее тебе будетъ жаловаться на васъ....

МАРИ (невозвѣдливо). Кому?

ВОРИСЬ. Да, можетъ быть, имъ и некому будетъ жаловаться, но это вамъ хуже. Вы ихъ замучаете, Маря, своими упражнениями, вымываете отъ чистаго сердца....

МАРИ. И это вы мнѣ говорите.... въ послѣдній вечеръ среди стѣз-домъ....

ВОРИСЬ. Это самое нужно, что я хотѣлъ сказать... Считайте могомъ. Я вамъ рассказывалъ?... Не такъ давно на демуровѣ въ госпиталѣ я былъ свидетелемъ, какъ раненый взмолился: "Сдѣлайте Рождскую милость Вамъ окородинъ, не прикажете гороховымъ браншинымъ окородинъ кнѣ рождъ: восемнадцать развѣ за день отирають"....

МАРИ. Анекдотъ.....

ВОРИСЬ. Даю слово: на моихъ глазахъ.... А у солдата — нормальная температура.

МАРИ. Ну, хорошо, ну, что же изъ этого выйдетъ? Что русский мужичекъ отрицаетъ примитивныя правила гигиены...?

ВОРИСЬ. Послушайте.... Собирайте вы извѣсти, жареные сами, устраниайте спектакли, отвозите арміи подарки, — но ссылайте въ больницъ въ покой...

МАРИ (вдругъ разондалась, — означала искренно отъ обиды, заливъ отъ жалости къ самой себѣ и наконецъ утихая, Маря заплзкала по дѣтски кокетливо).

ВОРИСЬ (обитый съ позидіи). Простите, Маря... Если вы не согласны со мной, если вы сами вѣрите.... вѣрите въ то, что....

МАРИ. Ахъ — да, не вѣрю... Конечно, не вѣрю... Но мнѣ это такъ

интересно... Клянусь вамъ, — исключительно интересно... Я никогда такъ сильно не увлекалась, какъ переживаниями... Это и физическій трудъ и... А вы знаете, какая споротменка...

ВОРИСЬ. Чѣтъ, это не физическій трудъ... Это не только физическій трудъ... Господи... Да я напрасно васъ и убѣждаю: первая рана, которую вы увидите, первая страданія, которую вы причините несчастному солдату, заставятъ васъ убѣжать изъ лазарета. Но я хотѣла-бы, чтобы вы, именно вы, не причинили ни одному изъ раненыхъ никакого вреда, чтобы вы сняли эту ношу, прежде чѣмъ произведете хотя бы одинъ безчеловѣчный, безразличный опытъ надъ востоящимъ больнымъ. Вамъ будетъ стыдно дать ему "на чай" в откупиться, если вы хоть на минуту представите, что вопреки солдатъ, прежде чѣмъ попасть въ навъ лазаретъ.

МАРИ (уже одаваясь). Но вѣдь я же говорила вамъ, что у насъ будутъ только "легко" раненые в контуженные? Я сама противъ безобразий...

ВОРИСЬ. "Легко" раненые, "контуженные"... Да вѣдь это съ чьей точки зрѣнія-то "легко"? А угодно вамъ такой случай контузии: у солдата мимо самыхъ глазъ, обнявая переносицу, пролетѣлъ снарядъ: и у солдата... завернулись глаза... Произвелъ многовоенный взрывъ мускулатуры, которая поддерживаетъ глазныя...

МАРИ. Замолчите... (закрываетъ лицо руками).

ВОРИСЬ. Вы исполните, Маря, все, можете быть, послѣднюю просьбу?...

Да?

МАРИ (со вздохомъ). Хорошо...

ВОРИСЬ (порывисто цѣлуетъ ея ручку). Спасибо, Маря....

НЯНЯ (появляясь изъ входныхъ дверей: она перепугана до бездѣлья).

Воренька.... Грѣхъ-то какой.... Аленевъ-то у насъ на войну обѣжалъ...

МАРИ. Какъ обѣжалъ, когда?

НЯНЯ. Вотъ, вотъ сейчасъ обѣжалъ... Швейцаръ видѣлъ: позвонилъ, — говорить, — гимназистъ въ подъѣздъ в давай обѣжать...

ВОРИСЬ. Да причѣмъ-же здѣсь Аленой?

НЯНЯ. Давно ужъ онъ прицѣплялся, мальчишка... "Не могу, — говорить, — теперь по нѣмецкому занимаюсь". Я то отъ него ни на шагъ не отходила, а тутъ, какъ на грѣхъ, заснула — онъ и далъ стѣрзюча....

МАРИ. Мой автомобиль у подъѣзда, Ворисъ...

НЯНЯ. Манечка, Христа ради, догоните его, разбойника... Какже я полновному то на глаза покжусь, окаянная... Ой, батюшки, ноги подкашиваются... (въ это время АЛЕНА подъ диваномъ громко чихнула).

МАРИ. Кто это? (послѣ короткой паузы АЛЕНА къ указу своему чихнула вторично). А?...

ВОРИСЬ. Кто-то простудился. (заглядывая подъ диванъ) или чихотался цѣли... (АЛЕНА вливается перекопуженный изъ подъ дивана и, собравшись

сказать что-то в свое оправдание, чихает в третий раз).

МАРИ (повеселённая). Чудьте здоровы...

АЛЕША. Спасибо...

НЯНЯ (жалобно-радостно). Алешенка....

ВОРИСЬ. Что ты там делал?

АЛЕКА. Не думай, что я залёз туда, чтобы подслушивать. Мне необходимо было обязательно переговорить с тобой и я решила дожидаться, когда ты останешься один... И вдруг... чихнула...

НЯНЯ. Ой, Господи, не откажись...

МАРИ. Я пойду в столовую, Алеша, — говорите.

АЛЕША. Нет, нет, Катерин уже не надо: я все решил... Я теперь... Одним словом, вы, пожалуйста, оставайтесь, а я уйду. А... а... пчухи... (АЛЕША хотела что-то еще прибавить, но опять чихнула и скрылась в дверях).

НЯНЯ. Вот и растянулся: вот баловство-то до чего доводить... (уходит за Алейкой: за стеной сильный звонок).

ВОРИСЬ (взвизывая на час). Баба... (за кулисами шум, оживлённые голоса: первая влетает ДЮЛЯ, сейчас обозначается рожь и под звуки Марсельезы на сцену появляются дирижирующая ПОЛКОВНИКЪ: хлопотливо прохаживая через сцену преобразившаяся Полковница, она на ходу расцёловала Мари и Вориса: в глубине остаются Баронь с Кудачевым: к ним идёт полковник Ворись).

ПОЛКОВНИКЪ (к МАРИ). А... вы уже здёсь, господа? Василий Николаевич, баронь, не кажется ли вам, что некоторая острота милосердия не к одним только овчаркам? А? Ха, ха, ха.... Как вы об этом думаете, сестрица?

МАРИ (весело). А также как вы, господин полковник.... Здорово же чудается в милосердии. (ДЮЛЯ бросила рожь).

ВОРИСЬ (продолжая). Но если, по вашему, война — только звёрьство, то она и этой предельности недостоинна?.... Постойте, баронь. Скажите, если враг есть только звёрь без разума и совести, так ведь убить его все равно, что убить волка или гиену, бродящих на человека? Это, кажется, и обязательства покровительства животных не запрещено?

БАРОНЬ. Но вы забываете, что какова бы ни была нравственность этого человека-звёря — дело не в нём, а во вас самих: у вас-то ведь разум и совесть не атрофированы?

ВОРИСЬ. Я, конечно, не убил бы, если бы разум и совесть мне это безусловно запретила. Ну, представьте себе, что совесть говорит мне совсем другое, более разумное...

БАРОНЬ. Это любопытно. (в дверях показался АЛЕША).

БОРИСЪ. По вашему разуму и совѣсть говорятъ мнѣ только обо мнѣ самомъ, да о злодѣѣ, и все дѣло въ томъ, чтобы я его пальцемъ не тронулъ? Но вѣдь есть тутъ и третье лицо и, кажется, самое главное: жертва злого насилія, требующая моей помощи. Не-то вы забываете? Ну, а совѣсть говоритъ мнѣ в о ней, и о ней прежде всего.... И воля Божія тутъ въ томъ, чтобы я спасъ эту жертву, если можно, — увѣщаніями, если нѣтъ — силой, ну, а если у меня руки связаны — тогда только молитвой, то есть тѣмъ высшимъ напряженіемъ доброй воли, которое способно творить чудеса. Но какой изъ этихъ способовъ помощи употребить, это зависить отъ условій. Безусловно только одно: я долженъ помочь тѣмъ, кого обидѣть.... Вотъ что говоритъ моя совѣсть....

ПОЛКОВНИКЪ. Ура... Центр прорванъ...

БАРОНЪ (очень взволнованно). Это... это... это прежде всего вопросъ личной совѣсти каждаго....

ПОЛКОВНИКЪ. Да? Ну, если дѣло въ личной совѣсти, такъ позвольте вамъ доложить, г. баронъ: единственный разъ въ жизни испыталь я полное нравственное удовлетвореніе, и было это мое единственное доброе дѣло — убійствомъ, и убійствомъ не малымъ: убилъ я тогда въ какіе-нибудь четверть часа гораздо больше тысячи человекъ... (передъ этой фразой черезъ сцену прошла НЯНЯ, она пробуетъ увести отъ спортинковъ Алэву, но тщетно: мальчикъ остраеетъ до конца).

ПОЛКОВНИКЪ. Совершенно серьезно... Это было, когда мы въ первый разъ "непосѣдимому" Мухтаръ-павъ всѣ бока обломали... Тогда мы сразу продвинулись. Я командовалъ передовымъ развѣдочнымъ отрядомъ. Вотъ разъ, спускаемся мы въ долину: на картѣ значится большое армянское село. Ну, конечно, села никакого, а было дѣйствительно порядочное, и еще недавно: дѣмъ видѣшь за много вѣсоть. Поскакалъ я впередъ и прежде, чѣмъ увидѣлъ, по запаху жаренаго мяса догадался: бани-бузуки овою кухню оставили.... Женщины съ оголенными грудями, живогн вопоротн... Ужъ всѣхъ подробностей рассказывать не стану. Только одно вотъ и теперь у меня въ глазахъ стоитъ. Женщина навзничъ на землѣ, за шею и плечи къ телѣжной оси привязана, чтобы не могла головы повернуть, — лежитъ не обожженная и не ободранная, а только съ искривленнымъ лицомъ, — явно: отъ ужаса померла. — а передъ нею высокій вѣсть въ землю вбитъ, а на вѣмъ.... младенецъ голый привязанъ — ея снѣ назѣрное, весь почервившій и съ выкатившимся глазами, а подлѣ.... рѣшетка съ потухшими углями валяется... Тутъ на меня такая тоска смертельная нашла, — на мнѣ Божій смотрѣль противно... Оглядѣлся, вижу изъ сухого колодца чучело какое-то карабкается... Вплѣзъ, упалъ на землю ничкомъ, причитаешь что то по армянски. Подняли, разспросили: говорить, въ сосѣднее село варвары эти бросились. Ревертъ, руки ломаешь. Тутъ на меня вдругъ

какое то просвѣтленіе наило... Велѣли я дать армянину лошадь и со всеми отрядами - за нимъ въ ущелья... Какъ мы тамъ въ горахъ карабкались - не замѣталь хорошенько: точно на крыльяхъ лечу, и увѣренность полная: знаю, что нужно дѣлать в чувствую, что будетъ сдѣлано... Стали выходить изъ ущелья, навелъ трубку, вижу конница: видимо-невидимо... Увидали, чоргови дѣла, казакѣ, - поворотили встрѣчу и стали изъ ружей палить. Вѣдь такъ и жидятъ, азіатскія чулила, изъ европейскихъ ружей, точно люди... То тамъ, то тутъ казакъ съ лошади свалится. Старшій изъ сотенныхъ подъѣзжаетъ: "прикажира араковать, г. полковникъ... что-жъ они, авадемы, насъ какъ перепелокъ подстрѣливать будутъ, пока орудія то устанавливать. Мы ихъ и сами развесемъ"... - Потерпѣе, голубчикъ, еще чутьчку" - говорю, а самъ весь дооку отъ изтерпѣнія. И младенецъ то жаренни съ выскаченными глазами передо мной и казаки-то падаютъ... Ахъ ты, Господи...

ВАРОВЪ (побѣжденныи воинствественостью разсказа). Какъ-же дальше-то? ПОЛКОВНИКЪ. А дальше?... По самому хорошему - безъ промаха... Взялись казаки въ перестрѣлу и сейчасъ же стали отходить назадъ съ гикомъ. Чоргово племя за ними - раззодорились, и стрѣлять перестали. - скачутъ всею оравой прямо на насъ. Подоказали казаки къ своимъ саженымъ на двѣдн и разошлись горохомъ. Ну, вижу, пришелъ часъ воли Рохіей. - "Согня, раздавайся"... - Раздвинулось мое прикрытие направо - налѣво. Господи благослови... И приказалъ пальбу. И благословилъ же Господь всеи мой вестъ зарядовъ... Такого дьявольскаго визга я отродясь не слыхивалъ... Кончилось дѣло... Собрали мы своихъ убитыхъ - тридцать оемъ человекъ. Положили ихъ на ровномъ мѣстѣ въ нѣсколько рядовъ, глаза закрыли. Велъ у меня въ третей сотнѣ старшій урядникъ, Одарченко, великій начемякъ и способностей удивительныхъ. Ну, говорю, Одарченко, дѣло походное, гдѣ намъ тутъ разбираться, будь у насъ за попа - отпѣвай! "Радъ стараться, ваше скородіе", - а самъ, бестія, даже просіялъ весь. Пѣвчіе свои тоже навлилъ. Только священническаго разрѣшенія нельзя было дать, да тутъ это и не нужно было: разрѣшило ихъ заранѣе олово Христова про гѣхъ, что душу свою за други свои полагають... Вотъ какъ сейчасъ мнѣ это отпѣванье представляется... день-то весь былъ облачный, осенній, а тутъ разошлись тучи передъ закатомъ, внизу ужелье чернѣетъ, а на небѣ облака разноцвѣтныя, точно Рохьи полки собрались. А на душѣ у меня тишина... легкость... непостижимая, точно вся нечисть житейская снята, - ну, прямо Нога чувствую... А какъ сталъ Одарченко по именамъ поминать новопреставленныхъ за вѣру, царя и отечество ва полѣ брани живость свои доложившихъ, - тутъ-то я и почувствовалъ, что ве многоглаголаніе это офіціальное, а что взаправду есть христолюбивое воинство и что война, какъ была, такъ есть и будетъ до конца міра великимъ,

человечья и зверья дѣломъ...

ВОРИСЬ. Отецъ... Какъ ты правъ...

ПОЛКОВНИКЪ. Правъ... И счастливъ, что теперь мнѣ удалось изобрѣсти ружейныя бомбы... Счастливъ бросилъ миллионы ихъ въ рядъ этихъ бавибузуховъ: счастливъ былъ бы начинать ихъ самымъ цаномъ, если бы мнѣ озабочивало это правительство....

(Вопли нѣсколько раньше НЯНЯ съ подносомъ, на которомъ ружья съ тампачокии и Эмилиа со льдомъ и бигылками).

ПОЛКОВНИЦА. Господа, прошу...

МАРИ. Теперь страшно въ модѣ "подвинуть", въ виду всеобщей грезвостности...

ВАРОНЬ. Приму это къ свѣдѣнію....

ЛЮЛЯ. Какъ хорошо, что вино стало праздничнымъ...

НЯНЯ. На здорье, Воренька... (подаетъ ему ружье). Русскіи го чеховѣкъ, известное дѣло: хоть криво запрячь, да побѣхаль-то такъ...

ВОРИСЬ. Правильно... Мудрая ты у насъ, старушка...

ПОЛКОВНИКЪ (съ бокаломъ въ рукѣ). И долгого заглаживаю, старуха, русскіи человекъ за свой бездѣльный доезженскіи "запрячь" - вѣками ка-торжнато тсудя... Талашина и вѣмепкая цивилизація вилдоуреновъ чудовишно наказали его. Таварь, однако, ми отправили торговать старымъ тряпьемъ, - теперь конецъ и очередь за вѣмцами... Пусть оставятъ меч-ты свѣдѣть Россію плохой Пруссіей, пусть забереурь отъ насъ эмѣстѣ со своимъ бюрократизмомъ и самымъ прахъ отъ ногъ своихъ.... За освобожденіе Россіи отъ вѣмепкаго яга....

ПОЛКОВНИЦА (обращаясь къ Ворису). И за тѣхъ, кто безъ страха, съ полнымъ сознаніемъ своей правды, какъ мой мальчикъ, - идетъ въ этотъ крестовый походъ...

КУДАЛѢВЪ. И наконецъ, господа, за матерей, которыя благославляютъ дѣтей своихъ на браанный подвигъ... (всѣ группируются около Полковника, обнявшеи Вориса и вволнованно и радостно улыбаются всеи).

ВОРИСЬ. Вѣрю въ будущность Россіи... Будетъ оно достойно всеи жертвы, которая приносятъ за него теперь... Какъ только граница наша станутъ свободными отъ германцевъ - освободятся отъ прусскихъ наталь и вдузренія наши судьбы: они останутъ свѣтлыми и вольными.... Русскими... (МАРИ неожиданно для всеи вѣчно обнимаетъ Вориса).

МАРИ. (съ большимъ одушевленіемъ). Вѣра, что ты вернешься, Ворисъ... Вернешься...

ПОЛКОВНИЦА. Будемъ молиться.....

ВАРИАНТЪ ПРОДОЛЖЕНІЯ ФИНАЛА:

МАРЧ. Мнѣ стыдно носить нѣмецкую фамилію... Я русская... Русская...

ВОРИСЬ. Богъ дастъ, скоро это фамилія измѣнится...

ВАРОНЬ. Мнѣ тоже стыдно... Какъ человѣку съ нѣмецкимъ акцентомъ, мнѣ врядь-ли слѣдовало и провозглашать этотъ тостъ, но видите Богъ, что я, — оставаясь противникомъ войны по принципу культуры, — все-же отъ всей русской души пью за тѣхъ, кто такъ или иначе пострадалъ въ этой ужасной борьбѣ...

ОФИЦЕРЪ (входя съ двумя жандармами). Осмѣиваюсь войти безъ доклада, господинъ полковникъ... По распоряженію Верховнаго Главнокомандующаго я обязанъ арестовать офицера германской службы, — барона Фридрихгазень, — гдѣ бы его не засталъ...

ПОЛКОВНИКЪ. Офицеръ германской...

ВАРОНЬ. (накло). Доблестной германской арміи...

ОФИЦЕРЪ. Взять его... (ВАРОНЬ, стоявшій спиной къ камину, выхватываетъ изъ своего кармана бумагу и хочетъ бросить ихъ въ огонь, но звяда барона врывается жандармъ, а ВОРИСЬ выхватываетъ у него бумагу, онъ передаетъ ихъ офицеру).

ПОЛКОВНИКЪ.

Чтоюзя...

ПОЛКОВНИЦА.

Въ наемъ домъ?...

МАРЧ.

Негодяй...

ДОЛЯ.

одновременно. Какой позоръ...

ВЯЧУЖКА.

Слава Богу...

КУДАШЕВЪ.

И такъ вездѣ...

ВОРИСЬ.

Проклятая довѣчливость...

З А В Ъ С Ъ .

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Картина пятая.

Прошло еще нѣсколько мѣсяцевъ. Та же госпиталь, въ помнатахъ рядомъ помѣщается лазаретъ. Раннее солнце. За телефоннымъ столомъ, вся въ черномъ, МАРІА. Изъ-за кулисъ слышится солдатская пѣсня. — поетъ въ два три голоса "Кукучечку".

КУДАШЕВЪ (въ шубѣ, съ газетной телеграммой въ рукѣ). Новое только, что не хватаетъ ярости, погаснѣть воля, одолѣть наше славянское благодушіе, добротливость... Вспоминаю, поразившій войтъ насъ, арестъ барона: ни окруженъ шпионами...

МАРІА. А сколько энергія къ намъ прибаво отъ одной трезвости? Хватитъ и на предателей....

КУДАШЕВЪ. А какъ сгорать нервы отъ войны? — Куда больше, чѣмъ отъ алкоголя... Война сильнѣе водки...

МАРІА. А жертвы войны? Въ каждой семьѣ зрѣетъ ярость и воля, славянское благодушіе не при чемъ, когда льется кровь, стоитъ кромѣшннй адъ, когда люди сходятъ съ ума отъ грохота орудій, гибнутъ, разоряются и все сливается въ одномъ желаніи: побѣдить. Во что бы то ни стало — побѣдить...

КУДАШЕВЪ. Можете быть вы правы... За послѣднее время вы стали совоимъ особенной: вамъ хочется вѣрить..

МАРІА. Какъ странно, что все это говорить, все въ это вѣрить, а у меня нѣтъ опущенія, что я не та, что я переродилась...

КУДАШЕВЪ. Человѣкъ самъ этого не замѣчаетъ...

МАРІА. Нѣтъ... просто все вы, господа, смотрѣли на меня по другому, съ другой стороны... Верните мнѣ Бориса, возьмите прочь все заборы, предчувствія гося, вычеркните изъ памяти войну, окружите прежней средой — и я стану для васъ прежней Маріа... Вы первый скажете, что "быть энтузіасткой — это общеревенное назначеніе Маріи Владиміровны"...

КУДАШЕВЪ. Вы думаете?

МАРІА (пожала плечами). Вамъ не пора, Василій Николаевичъ?

КУДАШЕВЪ (посиотѣвъ на часы). Да побду. Поезда съ тяжелоранеными задерживаются на станціяхъ для перевязокъ... Теперь нельзя точно рассчитать время прихода... (уходитъ).

МАРІА (вошедшему раненому солдату). Тебѣ что? Опять пьюсь?

СОЛДАТЪ. Какъ точно, милосердная. Сдѣлайте такую милость, не откажите...

МАРІА. (пишетъ). "Любимая жена наша, Прасковья Абамасъевна"....

СОЛДАТЪ. Такъ точно... (диктуя) "И еще влю вамъ низкій поклонъ... И еще побезпокойтеся округъ хозяйства.... такъ какъ вкорѣ пребудемъ къ вамъ на подправку... И еще кланяйтеся куму Андрей, и еще кланяйтеся сестрицѣ Глазунькѣ... И еще кланяйтеся"... Да пускай больше никому я не кланяется... Чего тамъ въ замѣтъ дѣлѣ: все мужичье, сестрица, не-отесанное... Имъ написать ежели что человѣческое, такъ они и въ толкъ не возьмутъ...

МАРИ. А ты попробуй.

СОЛДАТЪ. Пробовалъ: не всегда съ обрубкомъ-то замѣсто руки ходилъ, - громонный тоже... Не понимаетъ. Геройскаго духу не могутъ. Я имъ изъ подъ Кракова дѣльное страженіе описалъ, а Пасокева-то моя черезъ волозтного мнѣ запросъ: какъ ногу аль руку мнѣ отрѣзали? Вотъ смѣхъ-отъ.... Деревенщина....

МАРИ. Будешь что дальше писать?

СОЛДАТЪ. Сдѣлайте Ржевскую милость... (диктуя) "И нахожусь я теперича въ добромъ здравіи на излѣченіи... съ недостаткомъ четвортыхъ указательныхъ пальцевъ. Положеніе намъ здѣсь господское, какъ стало быть запитали Престоль и Отечество... и все прочее"... А Чигръкѣ отпишига, чтобъ безпоземѣнно справилъ гелѣхное вооруженіе... что какъ дѣло къ веснѣ... И еще: "нѣмцу всякано здорово... больше мѣсяцу жизни не дадутъ. А какъ вернуся Карлушкину мельнику сожгу, потому оказалось, что народъ ихнѣ сволочный"... Извините, барышня милая, иначе никакъ невозможно, - потому нашимъ носы и уха рѣжутъ, - анарѣмъ...

МАРИ. Что дальше?

СОЛДАТЪ. Дальше-то... и писать вамъ будетъ конфузно....

МАРИ. Говори, - привнѣла.

СОЛДАТЪ (конфузясь, покоякиваетъ, диктуя). "И еще... долго-ль будете ходить... тяжелой - отпишига безпремѣнно.. Опозда того желаніе мое, чтобъ къ масляной вы окончательно ослобонилсь, потому, слышно, Пасха ранняя"... Дозвольте мнѣ, барышня, лѣвшой руку приложить?...

МАРИ (уступая ему мѣсто за столомъ). Садись.

СОЛДАТЪ (пишетъ). Нѣтъ... не слушается, лукавая... Хотя бы одинъ крестъ вполне достаточен...

МАРИ. А про куносенъку-то писать не будешь?

СОЛДАТЪ. Ой, не поминайте, сестрица... Я словами-то и то, кажется, на деревнѣ не разскажу, - не то, что писать.

МАРИ. Чего бояться-то правду холодную написать?

СОЛДАТЪ. Написать? Забавно имъ будетъ....

МАРИ. Конечно, и пиши...

СОЛДАТЪ. Забавно, - что и говорить... А только надо бы фѣрвала спроситься... Для порядку...

МАРИ. Да я сейчас доктора спрошу, - хочешь?

СОЛДАТЪ. Не могу знать. Не осеочали бы?

МАРИ (подходить къ двери въ лазаретъ). Докторъ... могу васъ про-
сить на минуту? Если свободна...

ДОКТОРЪ (показываясь въ дверяхъ). Въ чемъ дѣло? (въ сторону ла-
зарета). Кончите эту перевязку и придете ко мнѣ, сестра, (изъ-за
пулисъ голозь Люля: "Олувак докторъ"). Въ чемъ дѣло? Я къ вамъ и вѣдь....

МАРИ. Можеть Палкратовъ свочинъ, въ деревню, объ этомъ эпизодѣ на-
писать?... Я рассказывала вамъ о случай съ свѣтлѣйшей?

ДОКТОРЪ. Етъ. Когда?

МАРИ. Да въ полѣвомъ лазаретѣ-то?

ДОКТОРЪ. Комуhibудь другому рассказывали, (Солдату). Его скоро
и выпизать можно будетъ...

СОЛДАТЪ. Сдѣлайте Ножескую милость, вале благородіе, чего мнѣ
здѣсь бока го пролѣживать... Въ деревнѣ у меня и пальцы оторасутъ,
оскорбе и носа посправится. А тамъ опять воззатъ пойду....

ДОКТОРЪ. И безъ тебя обовдуются....

СОЛДАТЪ. Етъ безъ меня нельзя, - я здоровый, вале благородіе....
нѣмѣдъ заскучаетъ...

ДОКТОРЪ. Ну олучай, послѣ поговоримъ.

СОЛДАТЪ. Слушаю, вале благородіе. Разрѣшите промяться, пройтись
къ земляку... (ДОКТОРЪ кивкомъ головы соглашается, солдатъ уходитъ).

МАРИ. Телеграмма мне не было? (Докторъ снимаетъ съ себя бѣлки
балахонъ).

ДОКТОРЪ (можеть бытъ не дозляпавъ, говорить въ дверь). Елена
Дмитріевна, вы скоро?

ЛЮЛЯ (входятъ въ комнату сестра). Телеграмма?

ДОКТОРЪ. Пока нѣтъ... Когда вы Марья Владиміровна увѣжали изъ
госпиталя, отъѣздъ за завтра былъ рѣшенъ окончательно?

МАРИ. Да, и Анна Ивановна, когда отправляла меня впередъ, обѣдала
телеграфировать съ дороги.

ЛЮЛЯ. Теперь санитарная повзда пропускаютъ въѣ осмисанія.

МАРИ. Потому и обѣдала телеграфировать хотя бы за шестъ часовъ.

ДОКТОРЪ. Послѣ операциі провлю сколько?

ЛЮЛЯ. Пять... дней.

МАРИ. А возможно и осложненіе?

ДОКТОРЪ. Какъ проя всякой равѣ... (общая пауза).

ЛЮЛЯ. Василій Николаевичъ на вокзалѣ?

МАРИ. Да съ Алешей, онъ обѣмалъ телефонировать, какъ только полу-
чить какіяhibудь свѣдѣнія...

ЛОКТОРЪ (уходя). Пока до свиданья: идуть въ Георгиевской.
(Лёвочки увиди въ свои заботы, онъ никакъ не
отмѣчаетъ уходъ доктора).

ЛЮЛЯ (нервничая). И нана почему то не идетъ...

МАРИ. Онъ далъ тебѣ прочесть письмо, которое я привезла ему отъ
Анна Ивановна?

ЛЮЛЯ. Нѣтъ.

МАРИ. Ты проспала?

ЛЮЛЯ. Н...Нѣтъ.

МАРИ. И ничего не рассказывала?

ЛЮЛЯ. Нѣтъ (въ эя голосѣ, что то дрогнуло).

МАРИ. Неправда, неправда... Что ты скрываешь отъ меня? Говори
сейчасъ... Почему меня не пустили къ Борису, почему меня насильно
отправили назадъ?

ЛЮЛЯ. Да потому что ты бы разстроила Бориса... И мамѣ не слѣдо-
вало ѣхать... И именно потому, что рана въ голову... Какъ ты не по-
нимаешь?

МАРИ. А для чего же я пріѣхала назадъ? Вѣдь пустякъ же меня къ
нему сегодня? Не все ли равно?

ЛЮЛЯ. Во первыхъ неизвѣстно, привезетъ ли его мама сегодня, а
во вторыхъ можетъ быть докторъ и не пуститъ никого къ нему ни сегодня
ни завтра....

МАРИ. А меня въ особенности?

ЛЮЛЯ. Конечно, Мари и ты прекрасно знаешь почему... Я удивляюсь,
что ты и теперь думаешь больше всего о себѣ.

МАРИ. И онъ хочетъ меня видѣть, и онъ...

ЛЮЛЯ. Но вѣдь онъ можетъ быть даже не сознаетъ, насколько это
вредно для него.

МАРИ. Почему ты говоришь.... "не сознаетъ"? Развѣ онъ... такъ...
опасно?

ЛЮЛЯ. Въ голову, Мари, - ты же знаешь... Всякая рана въ голову
опасна... И ты должна быть готова во всему...

МАРИ. Къ чему...

ЛЮЛЯ. Отстань, Мари... Почему я должна успокаивать и утѣшать
тебя. Мнѣ самой страшно и тошнливо. Я думаю о мамѣ... Ты видѣла
отца? Я беспокоюсь о немъ.

МАРИ. Только до меня никому нѣтъ дѣла.

ЛЮЛЯ. Ты и теперь преувеличиваешь, какъ всегда. Не будемъ пре-
рекаться, - повѣрь мнѣ, что... если бы я могла чѣмъ нибудь помочь
тебѣ...

МАРИ. Скажи мнѣ всю правду.

ЛЮЛЯ. Правду?

МАРИ. Какою бы она ни была...

ЛЮЛЯ. Если бы я звала ее сама...

МАРИ. Не знаешь? Но тогда ты чувствуешь, что мя должна ее звать. Все равно рано или поздно, мя ее узнаешь? Но почему же ты или я неспособны перевести всех испытаний сразу, как его мать и отец? Почему, во имя какой справедливости насъ томятъ. Не во имя же Бориса...

ЛЮЛЯ. Но не для собственного же спокойствия. Подумай и об этомъ.

МАРИ. Что Анна Ивановна написала полковнику?....

ЛЮЛЯ. Она оказала мнѣ только о томъ, что сегодня надо ихъ кдагь... При тебѣ оказала и больше я не разговаривала съ ними. (Пауза).

МАРИ. Ты видѣла заставку въ комнатѣ Бориса?....

ЛЮЛЯ. Да, пробовала опустить: полная темнота. Докторъ оказалъ, что хороши...

МАРИ. Это нужно только на время перевязки?

ЛЮЛЯ. Разумѣется... (Пауза).

(АЛЕША, воевъ въ зинемъ гимназическомъ пальто, въ буражкѣ прислонился къ косяку и опустился, захвативъ лицо руками, на близь стоящій стулъ.

ДѢВУШКИ обернулись увидѣли его и не прокулись съ мѣста. АЛЕША тихо всхлипываетъ, зарывъ грюмчѣ, наконецъ встаетъ, хочетъ сказать что то сестрѣ или Мари, но не можетъ и съ рыданіями отъ стула къ столу, къ бюро, — поостанавливаясь, когда наткнется на попутные предметы — онъ уходить въ свою комнату).

КУДАШЕВЪ (воевъ и остановился). Со мной прѣехала Анна Ивановна....

МАРИ (кричать). Умеръ?

КУДАШЕВЪ (рѣзко). Нѣтъ. Возьмите себя въ руки... Сейчасъ воедетъ его мать... Не прибавляйте ей мученій. Елена Дмитриевна идетъ къ ней, ее ведутъ по лестницѣ.

ЛЮЛЯ (быстро смахнувъ слезы, ушла).

МАРИ. А гдѣ Борисъ?

КУДАШЕВЪ. Въ каретѣ съ полковникомъ: мя ихъ обогнала....

МАРИ (кричать). Да какъ же вы смѣли не пустить меня къ нему. Завѣсь вы обѣщали предупредить? Обманули... Безчеловѣчно... Хотѣла на оказаль... чувствовала... Завѣсь меня отдаляютъ, берутъ его отъ себя. Не понимайте, что я схожу съ ума только безъ него, что ни однимъ образомъ я не возлюбляла бы его... Успокаиваетъ, когда доводятъ до бѣшенства... Вѣдь я не въ театрѣ играю роль. Уйдите вы отъ меня, уйдите...

КУДАШЕВЪ. Я силѣй уведу вазъ отсюда... (пытается ее увести, изъ дверей лазарета навстрѣчу няня въ костюмѣ сидѣлки). Няня, помогите мнѣ.

НЯНЯ. Пойдите, постройте въ Манечка, Парамоновъ опять кровь исходить. Звоните сейчасъ въ Георгіевскую, господинь... Гдѣ Леночка то? Вата доставан Манечка... Иди подавай сестрѣ... Не управитесь одна... (МАРИ сначала какъ бы не понимала, о чемъ повелительно кричить ей няня затѣмъ быстро прошла въ лазаретъ). Не годится звонить—кончается челонѣкъ... (сказавъ это Кудашеву, нянька сокрушенно опустилась въ кресло, потираетъ ноги и что то бормочетъ по этому поводу. КУДАШЕВЪ положилъ было трубку телефона обратно, но тутъ же опять сталъ вызывать номеръ Георгіевской общины). Никакой докторъ не поможетъ... Одна смерть въ намъ дашетъ....

КУДАШЕВЪ. 361-35... Да... Вн. докторъ? Кудашевъ. Парамоновъ умираетъ. Сестру? Сейчасъ....

НЯНЯ. Леночку, что ли?

КУДАШЕВЪ (въ двери лазарета). Марья Владиміровна къ телефону.

(МАРИ подтянувшись, отрогая въ свозѣхъ полуманевскомъ платьѣ, спѣшитъ къ телефону).

МАРИ. Я. Да, да. Сдѣлано... Сдѣлано. До ватѣго прѣзда? Хорошо, буду неотлучно. (быстро уходитъ. Кудашевъ нервно ходитъ по комнатѣ).

НЯНЯ. Смерть то что дѣлаетъ: взглянешь въ лицо и притихнешь. (а дальше нестерпимо). Господи, облегчи, праведнѣи своея подѣлись, на всея грѣхи его подѣли и мя, грѣшную, прѣими... (встала и засуетилась, взволнованно и громко). Что жъ это не везуть Норезьку то?... Леночка то гдѣ? Алеша... Алеша съ вами прѣйхалъ господинь?

КУДАШЕВЪ. Да. У себя въ комнатѣ онъ.

(НЯНЯ помля было въ одномъ направлении, но остановилась при появленіи АНДРЕЯ).

АНДРЕЙ. Парничъ пледъ свесилъ внизъ, холодно тамъ, — въ швейцарской сидеть.

НЯНЯ. Какъ же это можно такъ?

КУДАШЕВЪ. Тамъ хочешь дождаться?

НЯНЯ. А тамъ, — такъ я сейчасъ... (уходитъ въ другую дверь. Андрей за нѣ).

КУДАШЕВЪ (вздѣтъ). Еленѣ Дмитріевнѣ захватить, что забудь погелѣ. (изъ за кулисъ со стороны лазарета, доносится стонъ, моменты торопливнѣ разговоръ).

МАРИ. (изъ за кулисъ). Василій Николаевичъ... Василій Николаевичъ...

(КУДАШЕВЪ скрывается въ двери лазарета. По сценѣ быстро прохсидаетъ НЯНЯ съ пледомъ и АНДРЕЙ съ

плакомъ. Тогдашъ, какъ онъ окрился входить изъ своей комнаты Алена, онъ уже безъ пальто, бодрится, оглядывается, энергично выморкался, ожесточенно вытеръ въ послѣдній разъ слезы, подернулъ ззали куртку, заглянулъ въ дверь лазарета и рѣшительно повернулъ ко входной двери, одѣваясь на ходу въ балахонъ, пробѣгаетъ въ лазаретъ докторъ. Сцена одну минуту безлюдна, безмолвна—затѣмъ слышны отдаленные голоса, они близятся. Громыхаетъ парадная дверь, раскрывается на обѣ половины, толотъ нѣсколькихъ санитаровъ, появляется Андрей. Группа: Анна Ивановна, Дала, полковникъ, Алена, няня и нссилка съ Норисомъ, группа приближаясь все болѣе и болѣе, раскрываетъ передъ публикой воснаки. Приведеніе отъ уицъ полковничка съ женою тутъ же обрамываетъ вубя, ихъ забираетъ Андрей).

ОЩІЯ ФРАЗЫ. (изъ за кулисъ и до момента, когда носилки опускаются на авандценъ). Осторожнѣе... Держите выше... Дверь... Иди впередъ Андрей... Подними плечи... Ротъво... Можно. Идите. Мальчикъ мой... Тебѣ лучше, если такъ?... Вспряхивало?... Слава Богу, что не высоко... Коренька... Вернулся така... Влаичица Матерь Рожья... У насъ живо на поправку пойдешь... Молодець... И ты у меня старуха, молодець... Осторожно вѣхали го... Пріѣхали, чего же тебѣ еще.. Тиме... Тиме... Я сейчасъ оставлю...

НОРИСЪ. (говоритъ, радостно, охвѣло, а между тѣмъ у него вся голова и глаза забинтованы и обвязаны чернымъ вѣлкомъ). Дома... дома... Мнѣма... Мама... Ахъ это ты и есть...? (ласкаетъ Анну Ивановну по лицу). Вотъ это твоя рука. Отець. А это Делькина пальчики—на концѣ такіе, какіе винограде "дамскіе пальчики". А въ ногу мнѣ уткнулся Алексѣй и конечно у него глаза на мокромъ мѣстѣ... Поди ты ко мнѣ подъ руку головастика... А вотъ моя оѣдая голова — молигенница, — вотъ... Право, если бы онагъ сейчасъ повязку, и тогда бы я лучше всѣхъ васъ не увидалъ, чѣмъ вижу, чувствую... (при этой фразѣ у Анны Ивановны вивонвазтъся високій вскрикъ). Мама... Это ты?

ПОЛКОВНИКЪ. Она, конечно, она... Попалась, полковница... Ничего не подблаетъ, подивваетъ воплачнугур до всякому поведу...

НОРИСЪ. Поплачь, мама... Пожалуйста не думай, что это мнѣ повоедигь. Теперь уже все кончено: меня раньше и не хотѣли поэтому везти домой... Теперь будутъ обыкновенныя перевязки... Въ темной комнатѣ только свачала, а черезъ мѣсяць и совсемъ на свѣду.

ПОЛКОВНИКА. Мальчишке мой.

БОРИСЪ. (прислушиваясь къ разговору въ сосѣдней комнатѣ). Кто тамъ говоритъ?

ДОЛЯ. Узнаешь по голосу?

БОРИСЪ. Мама?...

НЯНЯ. Подумать: услышалъ, голубчикъ....

БОРИСЪ. Ты какъ ее звать, пока мнѣ не перебинтуй повязку.

ДОЛЯ. Какъ зовутъ?

БОРИСЪ. Чѣмъ просто... Представь себѣ, Доля, — мнѣ докторъ разсказывалъ, онъ даже утверждаетъ, что я въ бреду повторялъ только одно имя мамы... Оказывается онъ совершенно ошарашен всегда бредя въ несколько мн. Позвиз...

ПОЛКОВНИКЪ. Да, ты скажи нянькѣ то своей старой, скажи, ей окорѣе, кто тебя Мориса на кровать собственноручно положилъ? А...

НЯНЯ. Да, ну что...

БОРИСЪ. Да, няня, самъ Государь.

ПОЛКОВНИКЪ. Слава тебѣ Господи: сохранилъ жизнь сыну моему.

НЯНЯ. Деломъ ему Париде Робесона, сохранила.

ПОЛКОВНИКЪ. Рассказывалъ, заплакалъ Онъ надъ нимъ, когда врачи о подвигѣ его докладывали... На кровати сидѣлъ...

БОРИСЪ. Пусть я въ забытье впалъ, не помню ниче... Это только, что Государь о тебѣ мои спрашивалъ.

ПОЛКОВНИКЪ. (растроганно). Спасибо Государь, что вспомнилъ...

ДОКТОРЪ (въ дверяхъ). Полковникъ... А кто слово давалъ большого намъ не портить? Здравствуйте герои, у, какое славное поздравіе, мы оосвѣмъ молодцомъ.

БОРИСЪ. Перевязка?

ДОКТОРЪ. Да, для порядка надо бы начать съ этого...

БОРИСЪ. Пойдемте, докторъ... Мнѣ бы только голову поддерживать. Я в дорогу самъ навелъ бы въ мою комнату. Это ты такая мягкая, нянька...

НЯНЯ. Я, батюшка, я... (няня неотступно около Бориса).

ДОКТОРЪ. Отправимся мы съ вами, пока что на носилкахъ, а изъ перевязочной придемъ сюда чѣмъкомъ. Идетъ г. герой?

БОРИСЪ. (съ печальнымъ видомъ). Лежитъ г. докторъ. (Санитаря берутъ носилки и уносятъ. За носилками въ комнату Бориса идетъ послѣднимъ докторъ и звучно запираетъ за собой дверь).

ДОЛЯ (тихо). Пойду, что бы къ нему не бросилась Мама.

ПОЛКОВНИКА. Такъ же ее сохрани... Пусть будетъ такъ, такъ хочеть онъ... (объ ушли въ дверь лазарета)

АЛЮША. Папа, а у Бориса георгиевскій то крестъ простой, а ты говорилъ, ослепавшей бриллиантами....

ПОЛКОВНИКЪ. А слезы Государя, ты за что же считаешь, Алексей?

АЛЕНА. Ахъ, да... да... Я... я... я.. прямо, не знаю теперь, -
кого я больше люблю: Его или Наслѣдника?

ПОЛКОВНИКЪ. А ты обоихъ больше люби, вотъ все и рѣшишь. Ступай и
умойся: у тебя заплаканы глаза-подтянись.

(Изъ лазарета слывится взволнованный разговоръ съ
Мари, которая съ тихой яростью рвется пройти).

МАРИ. Привезли? Гдѣ? Ну, говори же....

ЛЮЛЯ. Постой.... Повесели на перевязку.... Постой... Тамъ фельд-
шеръ и санитары... Куда ты хочешь идти?...

МАРИ. Гдѣ докторъ? Я спрошу доктора.... (почти вырвалась отъ Люли,
быстро оказалась возлѣ дверей въ комнату Бориса, ей на перерѣзъ под-
винулась, но опоздала. Люля: Мари пробуетъ открыть дверь). Заперли?...

ПОЛКОВНИКЪ (боясь обезпечить больного, задумилъ свой крикъ).
Подождите.

МАРИ. (все еще тихо, въ тонѣ полковника). Ждала... долго... много...
все... время... ждала... и нѣтъ больше... не... могу... понимаете: не
могу. Откройте. (бросается отъ двери къ близъ стоящему полковнику
цѣлуетъ ему руку, захлебывается въ слезахъ и тихо, истерически тихо,
плачетъ: въ этомъ плачѣ предчувствуется радость, которая вотъ-вотъ
должна была быть и которой вотъ вы, вы, полковникъ, ждете). Пустите
меня къ нему, - вы меня не узнаете, пустите, вѣдь вы же человѣкъ, -
вы понимаете, какъ нужна радость.... Я видѣла это... Вы - отецъ...
Люля... Вы понимаете, что я... ну, скажитесь, скажитесь... (и нако-
нецъ постепенно Мари затихаетъ въ одномъ плачѣ безъ словъ у ногъ
потрясеннаго отца: Люля закрыла глаза платкомъ).

ПОЛКОВНИКЪ (много разъ и тихо повторяетъ на всѣ мольбы). Дѣвочка
моя... дѣвочка моя... Я понимаю... я понимаю...

ЛЮЛЯ. Борисъ самъ захотѣлъ прежде на перевязку... Потомъ про-
силъ позвать тебя...

ПОЛКОВНИКЪ. Все время дорогой вспоминалъ....

ЛЮЛЯ. И здѣсь говорилъ, что въ бѣду звалъ тебя... (помогаетъ
Мари подняться: полковникъ подаетъ воду). Ну, вставь, Мари... Выпей
води...

МАРИ. Не надо. Оставьте меня... Я не пойду, не пойду, не без-
покойтесь (и она идетъ и останавливается у дверей Бориса). Я буду
слушать у дверей... Я не буду больше... Я... (и вдругъ поматнулась
и опустилась съ помощью подоспѣвшей Люли, на стулъ возлѣ дверей).
Дай мнѣ води, (Люля подала води, опустилась около Мари на колѣни и
прильнула къ ней на минуту). Теперь хорошо, хорошо... Поди, Люля, къ
тѣмъ... къ Парамонову... Посмотри...

ЛЮЛЯ. Сейчас. (уходить: полковник взволнованно проехался по комнате, взглядывает на Мари, останавливается, хочет ей что-то сказать).

МАРИ. (думая, что он хочет ее успокоить). Ничего, ничего... прошло... Теперь ничего... (Полковник опять начинает ходить; Мари низко-низко склонила голову; затѣм полковникъ вынимаетъ изъ кармана какое-то письмо и хочет очевидно, прочесть его Мари или передать ей его, но Мари этого не замѣчаетъ; тогда полковникъ подходитъ къ ней, - письмо у него остается въ рукахъ за спиной).

ПОЛКОВНИКЪ. Скоро... очевидно, скоро... перевяжутъ... Вотъ... и тогда... вотъ увидите... Слава Богу - живъ вѣдь. Какъ написала мнѣ мать... въ томъ письмѣ, которое... такъ все и есть... Ахъ... (тяжелый вздохъ). Живъ и до слава Богу... Скоро... Скоро, я думаю, кончатъ? А?...

МАРИ. Да, скоро. (Полковникъ помялся, помился на мѣотѣ около Мари и, продолжая дергать письмо сзади, вдругъ обраавль его на полъ, повернулся и повелъ прочь; Мари замѣтила упавшее письмо). Ви уравни... (встала, она поднимаетъ письмо и протягиваетъ его, остановившемуся при ея словахъ, полковнику; этотъ сначала медлитъ взять письмо). Можетъ быть, мнѣ нужно его прочесть?

ПОЛКОВНИКЪ. (блочно беретъ теперь письмо). Нѣтъ, зачѣмъ не... Что же читать... Что ужъ тутъ читать... (ЛЮЛЯ появилась въ дверяхъ лазарета: полковникъ обраавль къ обѣимъ дѣвушкамъ). Подите ко мнѣ дѣвушки. Слушайте: твой братъ, а твой женихъ... Я буду говорить примодблѣнн всѣмъ молчать, - не было словъ, молчаньемъ приготовилъ... Слушайте: Норисъ... онъ мой... ослѣпъ на всю жизнь... Пуля... лѣвый високъ навилетъ... съ поврежденіемъ глазныхъ нервъ. (видя, что дѣвушки приналась другъ къ другу отъ ужаса). Вотъ такъ, вотъ такъ, принавшись другъ къ другу съ одной молитвой на устахъ, съ одной жертвой... проживите... его жизнь... (Полковникъ вдругъ какъ то ослѣ въ кресло и зарыдалъ).

ЛЮЛЯ. Папа... Пипа... Милый... Хорошій мой папа... Не плачь...

МАРИ. (сильно, съ какимъ то отчаяннымъ протестомъ). Сейчасъ въ моихъ рукахъ умираетъ человекъ, - у него были отрѣзаны ноги и онъ молил Бога дать ему жить... День, часъ, минуту пожить. Только бы жить. Обрубкомъ, безформенной массой, во жить... жить, жить...

ЛЮЛЯ. Но что же это за жизнь...?

ПОЛКОВНИКЪ. (очень сильно). Замолчите. Переживите все, прежде чѣмъ разбавлять словами, - они не рѣшаютъ, а пугаютъ. Спросите себя, Мари, любите ли вы? На то, что можете ли любить-отвѣтить сама жизнь. Рассказывали, что одна дѣвушка у насъ здѣсь, въ Петроградѣ, отказалась

даже взглянуть на своего искалеченного жениха. Красавецъ вѣсна, узнавъ объ этомъ, только сказалъ, какое счастье, что я не связалъ себя съ такою дрянью. Онъ не охотился по ней съ ума, онъ сразу понялъ, что Господь избавилъ его отъ всякихъ мукъ. И около него осмалась мать, — родное кровное существо, передъ которымъ вѣтъ говха, вѣтъ стыдлага, вѣтъ страха, вѣтъ ничего преходячаго во вѣки... (Маря). Уйдите отсюда, прежде чѣмъ онъ придетъ сюда... уйдите, а если останетесь здѣсь, такъ оставайтесь навсегда. Пробовать, попытывать себя на насъ, я вамъ не позволяю. У васъ было время и совѣсть, уйти или остаться. А словами вы объясните себѣ все это въ другой разъ.

ЛЮЛЯ. Папа, какъ ты говоришь... Ты же знаешь....

ПОЛКОВНИКЪ. Замолчи. Увидѣшь изъ этой комнаты... пусть она будетъ одна, свободная въ своемъ... Пусть уйдетъ или дожидается его... Уйдемъ. (Уходитъ. ЛЮЛЯ подходитъ къ заспавшей МАРИ, ласково прикасается къ ней, поправляетъ локоны ея волосъ, цѣлуетъ бережно и уходитъ за ширмой).

МАРИ. (оставшись одна не мѣняетъ своей позы у камина, ни одна изъ мускуловъ не дрогнувъ, она вперила взглядъ въ дверь лазарета: зазвонилъ телефонъ. Маря вздрогнула, но остается на мѣстѣ, телефонъ замолчалъ, входитъ Василий Николаевичъ, не замѣчая Марю, проходитъ. Наконецъ на порогѣ лазарета появляется фигура Бориса съ матерью, — сзади. ДОКТОРЪ, ВЯНЯ, и АЛЕНА, которые хлопотуръ, устроенная для БОРИСА кресло).

БОРИСЪ. Позовите же сюда Марю. Вы измучили ее Господа. Вѣтъ прежде посадите меня въ больное кресло, что бы не надо было держать голову... Тогда позовите Марю... Она у Люли? Вотъ хорошо... Это тепло отъ камина, а отсюда вѣтеръ изъ окна.. (внх), Мама ты скажи, что бы вой ушли... Маря навѣрное будетъ плакать... Ей будетъ удобнѣе если мы будемъ вдвоемъ.

ПОЛКОВНИЦА. Да, да... (знакомъ проситъ всѣхъ уйти, подходитъ къ МАРИ, поспешно прощаясь съ нею и ничего не сказавъ, ушла).

МАРИ. (искренно-радостно непосредственно счастливая отъ того, что видитъ Бориса). Боря.

БОРИСЪ. Ты была все время здѣсь... Я почувствовалъ, какъ вошелъ.

МАРИ. (подбѣжала къ нему, опустилась у ногъ, положила свою голову къ нему на колѣни). Боря... Боря... Вернулся, вернулся...

БОРИСЪ. (съ восхищеніемъ). И даже не плачешь. Ну, посмотри на меня... не могу наклониться... Не пугаетъ повязка? Помнишь, когда еще играли дѣтьми, я пугалъ тебя черной мамичей маской. Помнишь... Ты что же, ничего не говоришь, копаешься у меня на груди... И молчишь...

МАРИ. Почему?

БОРИСЪ. Нисколько. Продолжай въ томъ же родѣ....

МАРИ. Мнѣ хочется поближе къ тебѣ...

ВОРИСЬ. Ахъ, какъ хорошо, хорошо и въ темнотѣ. Ты чувствуешь. Я упиваюсь теперь своей слѣпотою. Скоро когда я сниму эту бѣлую маску (надо что бы верхняя повязка была черной въ Ворисѣ) и прекратится навѣки мой двухмѣсячный маскарадъ. — я можетъ быть утрачу свою новую способность чувствовать людей, но тогда я буду съ упрекомъ вспоминать объ этомъ времени моей слѣпой любви, которая такъ раскрываетъ глаза, окрѣпляетъ, любитъ всю жизнь, цѣлуетъ безконечно внутреннія краски... Теперь ты предо мною во всемъ великолѣпіи, я знаю, что значить не видѣть, потерять, все и всё со мной, во мнѣ... Чувствуешь, чувствуешь, почему справедливость съ повязкой на глазахъ?...

МАРИ. Это у тебя новое слово: "чувствуешь"?

ВОРИСЬ. Почему человѣкъ говорить: пойду на это "закрываю глаза"? Почему мы съ тобой прятались, бывало, по темнымъ уголкамъ?

МАРИ. (громко, восторженно). Ахъ... Слава Богу... Вернулся, вернулся, вернулся... Поцѣлуй же меня.. Еще... еще... еще...

ВОРИСЬ. Чувствую, что ты закрываешь глаза, когда цѣлуешь.

МАРИ. Конечно.... Утѣше...

ВОРИСЬ. Видѣе...

МАРИ. (счаотливная) Ворисъ, ты знаешь, чѣмъ ты побѣдилъ меня... окончательно... наповаль...?

ВОРИСЬ. Тѣмъ, что сходилъ по тебѣ съ ума?

МАРИ. Нѣтъ, — нѣтъ, что оказалъ смѣлную, но замѣчательную фразу: "у васъ, Мари, вѣмецкая фамилія, но русская, русская душа"

ВОРИСЬ. (нѣжно). Дѣвочка моя.

МАРИ. Самой большой, самый прекрасный. Ты — маленькій мой. И какъ хорошо, что ты говоришь, какъ воѣ, что я стала "другой"

ВОРИСЬ. Какой другой?

МАРИ (миная вопросъ). Готовилась къ самому страшному, когда ты пересталъ писать, и вдругъ известили, что только ранены. Ты воскресъ для меня, воскресъ. Живъ и съ Георгіемъ на груди. Представь, — я никогда не старалась быть умнѣе себя, — представь, что я мечтала увидѣть тебя съ квестомъ, или не увидѣть совсѣмъ... Иначе какъ-то не вязалось. И теперь, — смотри на твой крестъ и чувствую, что онъ мой, что онъ навѣ обій....

ВОРИСЬ. Да, да. Но скажи еще... скажи, еслибы я...

МАРИ. Что? что?

ВОРИСЬ. Я хотѣлъ прежде всего, — да забылъ, прежде всего, съ перваго слова спросить... Думалъ, однажды всю ночь. Постой скажи: еслибы такое несчастье: я ослѣпъ навсегда... То что бы тогда ты? Скажи....

МАРИ. Ничего не хочу говорить, какъ ты смѣешь, когда я люблю тебя.

ВОРИСЪ. Нѣтъ, скажи, пожалуйста, скажи...

МАРИ. Да вѣдь тогда бы "я"... то "видѣла"... тебя, - видѣла? И тогда бы ты былъ мой любимый, мой драгоценный, мой умный...

ВОРИСЪ. Ты видѣла бы меня. Но ты видѣла бы также и черная яма на мѣстѣ моихъ глазъ, - ты скоро бы поняла тогда что мы стали разными съ тобой, стали по разному... жить - воспринимать весь міръ?

МАРИ. Ничего, ничего бы я такого не поняла. Не отъ рожденія же ты слѣпой? Но оставь, не говори...

ВОРИСЪ. И все-таки отказался бы отъ твоей жертвы, - я много думала объ этомъ.

МАРИ. (счастъ неовно). А если я хочу... хочу (поправляясь). Хотѣла бы участвовать въ твоёмъ подвигѣ, раздѣлить твою терзку? Вѣдь моя душа слилась съ твоей... Когда ты уѣхалъ, я поняла, что отдѣляюсь не существуя....

ВОРИСЪ. Я принялъ бы твою жертву, поскольку она радостна бы для тебя, но не въ той мѣрѣ, въ какой нуждался бы въ ней самъ. Слишкомъ разницу? Да я сошелъ бы съ ума, застыблился, не знаю, что сдѣлалъ бы съ собой, - но я освободилъ бы тебя тогда...

МАРИ. (страшно глядеть на него одно именованіе). Чуда, Господи, прому чуда... Стала бы молиться, кояться, просить... Чуда, Господи, чуда...

ВОРИСЪ. Да что ты? Что съ тобой?...

МАРИ (сразу предя въ себя). Ты самъ же напугалъ... Ахъ (не можетъ отдѣлаться). Нужно было такъ долго ждать, - настрадаюсь. Вѣдь только теперь выросли у меня крылья, открылись глаза, - я мгновенно вездѣ была съ тобой.... И нѣтъ, Ворисъ той жертвы, нѣтъ такой, что не была бы моимъ счастьемъ...

ВОРИСЪ. Вотъ, вотъ.... Многости хочу, а не жертвы?

МАРИ. Милый.... - ты счастье мое, ты радость - мой Ворисъ изъ всей жизни.....

З А Н А В Ъ С Ъ .

К О Н Е Ц Ъ .

-----XXXXXXXXXXXX-----

38

19903

9057

Типо-Литография К. Фельдманъ, Петроградъ, Невскій 113, уг. Харьковской.